

Anlaki

СКОА

Пылающий туман

Анлаки Сэд

Сокол: Пылающий туман

«Автор»

2025

Сэд А.

Сокол: Пылающий туман / А. Сэд — «Автор», 2025

Тело не слушается, голова раскалывается, а в горле — песок. Будущее скрыто за пеленой страха, и каждое принятое решение всё глубже затягивает в непроглядный мрак. Он вырос в Балобане — среди наёмников, заменивших ему семью. Командир стал отцом, товарищи — братьями. Но найденное странное перо в храме пробудило зло, и теперь Сокол — изгой. Убийца, преследуемый кошмарами, и монстр, отчаянно ищущий выход из тьмы.

© Сэд А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Сгорающие крылья	17
I. Непредвиденные обстоятельства	17
II. Трое входят в город	34
III. Провинциальный городок и его сложности	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сокол: Пылающий туман

Пролог

Это место было похоже на склеп. На просторный каменный склеп, где вместо гробов – одно Древо, освещавшее мрачное пространство. Адепт – мужчина средних лет, отличавшийся особенным рвением выслужиться, – любил здесь находиться и мечтать о том, что когда-нибудь станет магистром.

А ещё он очень любил пересекаться с Лидером – самым значимым лицом в организации.
– Сэр?

Адепт, подойдя ближе, прокашлялся, искренне надеясь, что его заметят и наконец-то выделят на фоне других. Собственно, поэтому он приходил сюда. И вовсе не поэтому иногда следил за Лидером.

– Вы снова отлыниваете от своих обязанностей?

– Нет! Я... – Не ожидая, что его всё же запомнили, адепт, прокашлявшись и оттянув ворот тёмной мантии, поправил маску – на всякий случай. – Я просто... Мне комфортно здесь.

В помещении отсутствовали окна, а само здание находилось глубоко под землёй, и всё же адепт мог поклясться, как прохладный ветер пробрался сквозь одежду, вызвав мурашки вдоль позвоночника. Возможно, ему просто показалось.

– Понимаю, мой дорогой друг. – Лидер повернулся к адепту и посмотрел на него сверху вниз сквозь прорези маски. – Я часто вас вижу.

– Да? Какая неожиданность! Я вас тоже! Точнее...

– Мне кажется, вы чего-то добиваетесь? Я не могу вас осуждать, – безучастно сказал Лидер, заводя руки за спину. – Как вы считаете, чем мы занимаемся?

Адепт выпрямил спину и неловко посмеялся. Неожиданный вопрос, заставший его врасплох, вызвал целую бурю эмоций. На мгновение ему почудилось, что от ответа зависело всё. Буквально всё.

– Я... Ну, мы очищаем Королевство от заразы и делаем то, что не может Пристанище. Мы...

– Да. Правильно. Вы молодец, – перебил его Лидер и выждал паузу перед тем, как продолжить: – Полагаю, вы достаточно верны нашим идеалам, чтобы выполнить задание.

Адепт, открыв рот, ударил себя в грудь. Ладно, это уже звучало интереснее. Он поспешно кивнул и, чувствуя радость, излишне громко выкрикнул, отчего появилось эхо в этом совершенно каменном и безликом помещении:

– Да, сэр! Что я должен сделать?

– Проследите, чтобы наёмники добрались до храма. И принесите мне артефакт – это очень особенное перо. Оно мне нужно. И как можно скорее.

Адепт активно закивал.

– Будет исполнено, сэр!

– Вам предоставят всё необходимое. А теперь, будьте любезны, оставьте меня. И прекратите за мной следить. Это становится утомительно.

Адепт, охнув, испуганно согнулся в глубоком поклоне. Неприятно, когда его мотивы раскрывали, но славно, что его всё же не забыли. Прежде ему никогда не давали задания, однако теперь – наконец-то – всё изменилось. Может быть, после этого его повысят?

Лидер, проводив адепта равнодушным взглядом, вновь вернулся к белоснежному Древу, чья листва блестела, словно каждый листочек был пропитан магией. Впрочем, так и есть. Он не сомневался, что его подчинённый выполнит задание, и одновременно с этим искренне надеялся, что в процессе не возникнут непредвиденные обстоятельства.

Ведь тогда адепта придётся убить, а Лидер совсем не любил прибегать к насилию.

– Эй, Сокол, присоединишься?

Ворон поднял небольшую деревянную миску с плескавшейся в ней странной жидкостью.

По рассказам готовящих, они добавили в котелок не только воду и травы, а ещё мясо убитого в́ула¹, на чей счёт у Сокола имелись серьёзные сомнения: он не участвовал в поимке зверя из-за своей бесконечной лени, но всё же его не покидала мысль, что это был не вул, а ф́евул² – разные звери, пускай и имели схожее произношение. Мясо последних, конечно, очень питательное, а шкура оценивалась в городе за приличные гл́еты³ – только на этом достоинства, увы, заканчивались.

– Ты серьёзно? – Сокол фыркнул. – Нет уж, чтобы меня кормили... этим? Я жить так-то хочу. Спасибо!

Вспыхнул огонь, охватив целиком чёрный котелок, после чего утих, продолжив мерно освещать небольшую территорию. Ворон, пожав плечами, доброжелательно улыбнулся и продолжил есть.

Те, кто уже справился с едой, активно обсуждали план действий и спорили с загадочным человеком, отправленным с ними по настоянию такого же таинственного заказчика, общавшегося с командиром при помощи писем. Их неприятный попутчик, в основном предпочитающий молчать, не нравился никому, особенно Орлу, которого тот заставлял следовать бумажке, не внушавшей доверия. Командир ненавидел неизвестность, а ещё больше не любил чужие карты.

– Ладно, Суший вам судья, – сказал после небольшой паузы быстро заскучавший Сокол, всё больше напоминая сварливого деда. – Надеюсь, я не помру.

Все, кроме их хмурого скрытного сопровождающего, отстранённо кивнули и вернулись к прежнему обсуждению более насущных вопросов, чем голод одного из членов Балоб́ана. Лишь Сова, молодая рыжеволосая девушка, шустро поднялась и прихватила освободившуюся миску. Она подчерпнула ею суп из котелка и приблизилась к Соколу, после чего села рядом и протянула положенную ему порцию.

– Не помрёшь, не переживай. Мы же целы.

– У вас, может, пищеварение хорошее, а вот у меня с этим проблемы! – Сокол размешал жидкость, из-за чего кусочки мяса начали пахнуть ещё сильнее. – О-о...

– Хватит умирать, птенец. Ты на задании или в столице? Соберись, – произнёс Орёл, оторвавшись от ожесточённого спора, и пригладил и без того идеальную бороду.

Сокол всегда думал, что Орёл испытывал какое-то ненормальное влечение к своей растительности на лице. Его борода, под каким углом ни посмотри, всегда была безукоризненной формы, что очень раздражало – Сокол терпеть не мог что-то идеальное – что-то, к чему невозможно придраться. Он с детства привык к грязи, потрёпанным и рваным вещам, к салым заросшим волосам и обломанным ногтям.

Орёл, тяжело вздохнув, неспешно порывлся в мешке, откуда достал небольшую бутылку с розовой настойкой. Потом он потряс её, стукнул пару раз по стеклу и кинул склянку Сове, прытко её словившей.

¹ Размер взрослой особи (без учёта хвоста) около 150-200 см, хищники. Морда вытянутая, в пасти очень острые зубы. Маленькие глаза, короткие уши и длинный тонкий хвост. Преобладающий цвет шкуры – чёрный.

² Размер взрослой особи (без учёта хвоста) 30-40 см, в меру упитанные. Морда вытянутая, прямоугольная и туповатая, глаза неестественно большие, уши длинные и с кисточками на концах, хвост пушистый. Окрас бывает разным, но, как правило, варьируется от оранжевого до коричневого с редкими белыми пятнами по всему туловищу.

³ Местные деньги.

– Попробуй, – предложил Орёл, обратившись к Соколу, – только прекрати ныть. Не до этого сейчас.

Сокол закатил глаза, а Сова тем временем молниеносно вытащила пробку из стекляшки и добавила без спроса несколько капель в суп. Жидкость сразу позеленела, а запах улетучился, будто и не было всей этой тошнотворной вони. Сокол недоверчиво помешал похлёбку, на свой страх и риск понюхал и, наконец убедившись, что она более-менее безопасна, сделал первую пробу.

– Ну?

Орёл следил за осторожным Соколом, который перед тем, как глотать, обязательно дул, как маленький, на ложку, и только после ел.

Орёл любил иногда вспоминать прошлое. Он взял его совсем мелким, из-за чего ребёнка пришлось учить всему: и чтению, и особенно поведению. Пришлось даже объяснять, что есть добро, а что – зло.

Не самое простое время.

Но зато теперь Орёл искренне гордился подопечным, пускай и часто ругал его за беспечность, не исчезающую с годами.

– Жить можно, – невнятно проговорил Сокол, продолжая уплетать за обе щеки некогда противную еду.

Он шустро расправился со своей порцией – даже слишком, и отложил миску в сторону, а затем уже потянулся и громко зевнул.

Рядом никого не оказалось.

Сова чудом испарилась. Теперь она стояла, как и Ворон с остальными, возле Орла, пока тот бурно жестикулировал, водил пальцем по чужой карте и объяснял, что до ниврийского храма – их точки назначения – осталось идти максимум день – не больше. Сопровождающий же настойчиво требовал сократить время похода.

Сокол предпочёл не принимать в деле никакого участия и, снова зевнув, просто откинулся назад, подложил руки под голову и принялся рассматривать небо, на котором, как на узорчатом полотне, высыпались яркие звёзды. Почти по самому центру находилась огромная синеватая луна, выглядевшая в этот день красивее обычного.

Некоторые звёзды располагались так близко, что сливались в какой-то замысловатый рисунок, отдалённо напоминающий животное.

Это восхищало. Соколу чудилось, что там, на небе, тоже жили различные существа: звёзды в качестве подданных суетились каждую ночь, что-то делали, а по утрам, приходя домой, отсыпались. А вот луна являлась их правительницей.

Сокол хотел познакомиться с ней. Он думал, она походила на Сущего, когда как её подданные – на людей. Правда, в отличие от него, луна всегда держалась рядом со своими детьми, когда как Сущий почему-то предпочитал их избегать.

– Сокол! Иди сюда!

Орёл снова был недоволен. Он каждый раз – и всегда против воли – пытался привлечь Сокола ко всеобщему обсуждению плана, даже если это и подразумевало просто постоять рядом; и каждый раз раздражался, когда не получалось.

Бурча себе под нос очередные проклятия, Сокол, не имея иного выбора, устало поплёлся к командиру.

– Все в сборе, отлично. – Орёл поправил фонарь со свечой и отодвинул его подальше от карты. – К сожалению, нам придётся урезать привалы.

– Вдвое, – сухо поправил сопровождающий.

– Да. Вдвое. Так мы быстрее придём к храму.

Все члены Балобана на такое заявление только страдальчески простили. Они предвкушали невыносимо тянущую боль в конечностях.

– Но ничего страшного. Как только мы разберёмся с заказом – отдохнём. – Орёл кашлянул и добавил: – Обещаю, в конце с меня выпивка.

Эту новость приняли с бóльшим энтузиазмом. Послышались весёлые разговоры и смешки: кто-то уже планировал как следует отлежаться, а кто-то устроить кутёж и оторваться в таверне.

– Эй, Орёл, а если там не будет артефакта? – Воробей с любопытством уставился на командира. – Ну, мало ли. У меня предчувствие плохое.

Орёл изогнул бровь. Он присвистнул и повернулся к сопровождающему, давая ему шанс ответить.

– Он будет.

– Вот так вот. – Пожал плечами Орёл. – Но, думаю, в случае чего мы что-нибудь придумаем.

– Нет... То есть... да... наверное... – Воробей почесал макушку. – В общем, простите сердечно. Просто думал... э-э, ладно. Я ничего не думал. Не сердчайте, да?

– Проклятье, Воробей, ты снова выставил себя кретином, – прошептала Сова, нахмурившись.

Воробей – крупный человек. И крайне глупый. Сокол никогда не воспринимал его серьёзно, хотя, стоило отдать должное, на деле это неповоротливое корыто отлично махало клинками.

– Пора ложиться, – отозвался командир. – Завтра нас ждёт тяжёлый день. Ворон, будь любезен, проследи за Соколом, чтобы он ничего не взорвал, никого не убил и себя заодно не поранил.

– Эй!.. – возмутился Сокол.

– Возражения не принимаются.

Орёл, прежде чем потушить свечу, завернул карту в трубочку и передал её сопровождающему, который, не заботясь о делах наёмников, сразу убежал в свою палатку. Сова же разобралась с последним источником света – костром.

Сокол, понуро следуя за Вороном, почувствовал себя преступником, к которому приставили надзирателя. Неприятно.

Зайдя в мрачную палатку, он сразу же, не раздеваясь, завалился на заранее приготовленное место. Упадок сил давал о себе знать.

– Всё хорошо? – поинтересовался Ворон.

Он, шустро сняв верхнюю одежду, также лёг в спальный мешок и поёрзал, выбирая удобную позу, и лишь через время утихомирился.

– Если ты не будешь храпеть сегодня, то да. Будет всё хорошо. – Сокол разместился на спине и закинул руки за голову. – Без шуток. Вылечи себе уже наконец нос, а. Ты надоел.

– М-м-м... – протянул Ворон. – Как считаешь, всё пройдёт нормально? Этот человек с нами напрягает меня.

– Ага. Тот ещё тип.

– Мне кажется, он что-то скрывает. Зачем ему вдруг понадобился ниврийский храм? Именно этот? Разве нивры не забрали с собой самое ценное? Эти бледные гады удавятся, если что-то оставят людям.

– Понятия не имею. Можешь завалиться к нему и спросить. Он обязательно тебе ответит.

– Твоя язвительность неуместна, Сокол.

– Да, я противный, – усмехнулся он. – Давай ложиться.

Ворон намёк понял, замолчал и совсем скоро заснул.

Сокола клонило в сон слабо. Он прислушивался в темноте к жужжащему звуку и пытался найти надоедливую тварь – без особого успеха. Ещё как назло чесались руки и ноги, а в голову лезли неподходящие мысли. Душная атмосфера тоже мешала, и он обливался потом.

Увы, раздеваться было по-прежнему лень.

Сокол с закрытыми глазами попробовал вяло разобраться с рубашкой, и он уснул раньше, чем дошёл до третьей пуговицы.

Ему что-то отчётливо мешало спать. Этот шум словно пробирался в самый мозг, нарастал и неприятно ударял по барабанным перепонкам. Сокол перевернулся на бок, а звук, никуда не исчезая, продолжил доставлять дискомфорт.

Он, издав недовольный стон, с трудом разлепил веки и утонул во тьме.

Значит, сейчас до сих пор стояла глубокая ночь. Теперь шум, царивший в палатке, приобрёл более явственные очертания – храп. Это ненавистный храп, по чьей вине Сокол проснулся!

Придушить Ворона и скинуть со скалы, чтобы больше такое не происходило? А для Орла придумать какую-нибудь трагическую историю, от которой бы он прямо-таки прослезился? Отличный план.

– Урод. Утром тебе конец, – после долгих дум прошептал Сокол в пустоту и выполз наружу.

На улице было ожидаемо прохладно, и эта свежесть по сравнению с духотой в палатке помогла развеяться. Сокол жадно хапнул чистого горного воздуха и постепенно расслабился. Он даже решил: зря желал Ворону смерти.

Луна ярко красовалась на небе и радовала неискущённый человеческий глаз. Ей никто не мешал веселиться или спать, её не отягощали мирские заботы – Сокол мечтал быть таким же свободным, как она, только вот уйти от Орла и заняться чем-то своим он не мог – чувствовал себя обязанным, хотя командир не сделал для него ничего героического – всего-то подобрал оборванца, долгое время, после мерзкого приюта, скитавшегося по улице в поисках пропитания. Он дал ему имя и обучил всему необходимому. По сути, воспитал. И одарил заботой. А ещё помог обрести семью...

Сокол прикусил губу.

Кажется, не только мнимая обязанность принуждала его держаться подле Орла. Существовало и что-то другое, чего он, привыкший полагаться исключительно на себя, не стремился признавать.

Совсем близко слышалось тихое пение. Сокол, протерев глаза, обошёл палатку и с удивлением наткнулся на Орла. Тот сидел рядом с костром и водил палкой по догорающим брёвнам.

Орёл и раньше нередко бодрствовал ночью, только он никогда, сколько Сокол себя помнил, не пел. Да и когда смотришь на него, о таком умении думаешь в последнюю очередь.

Удивительное всё же открытие.

Собравшись с духом, Сокол направился к командиру – сесть с ним и просто насладиться спящей природой. Орёл увидел его не сразу, а когда заметил, то прекратил петь и с непонятной эмоцией возрился на гостя.

Сокол предположил: тот подбирает более правильные слова, чтобы отругать и отправить подопечного обратно к Ворону. Но вместо этого Орёл указательным пальцем подозвал к себе, и Сокол не стал тормозить. Он, пользуясь возможностью, оказался рядом с командиром.

– Опять не спится, птенец? – мягко поинтересовался после паузы Орёл. – Ворон мешает?

– Если он когда-нибудь исчезнет – я не виноват.

– Всё так плохо?

– Ужасно! Я ненавижу его храп. – Сокол для пущей эффектности прибегнул к своему самому страдальческому выражению лица. – Спаси, а?

– Подними эту тему после того, как мы выполним задание, хорошо? Решим, как поступим с тобой.

И это значит, сейчас ему придётся вернуться и погрузиться опять в эти страдания, от которых уже начала болеть голова.

Нет. Орёл не сможет его прогнать. Сокол решил для себя: он будет сидеть здесь до победного, до утра, если ситуация будет вынуждать. Он ни за что не сдвинется с места, даже если ему будут угрожать.

Воцарившееся молчание было необычайно приятным, и Сокол совсем не хотел его нарушать. Несмотря на постоянные недовольства, ему нравилось проводить время с Орлом. Он считал его умным человеком, своим наставником, если уж на то пошло. А ещё присутствие командира всегда вселяло спокойствие.

– Эй, Орёл... Ты меня прости, ладно? Я могу жаловаться, но... я всё равно рад, что ты рядом.

– Я знаю, Сокол, – улыбнулся Орёл. – Ты просто такой человек. И это нормально. Мы все разные.

– Да уж... – Сокол хрустнул пальцами, неловко потёр шею. – Кстати, почему ты не поёшь? Ну, когда мы сидим все вместе возле костра, например. Ворон бы играл на своей дудке, а ты бы пел, а? Хорошая же идея.

– Ох, птенец. – Командир прекратил увлечённо водить палкой и целиком развернулся к подопечному. – Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему?

– Это не моё. – Он посмотрел на небо и покрутил кольцо на пальце. – Просто не моё.

– Но почему?

– Иногда твоё любопытство не очень уместно, птенец. Тебе стоит быть осторожнее, – проговорил Орёл, возвращаясь к Соколу. – Иди лучше спать. Можешь позаимствовать мою палатку. Всё равно я не буду ложиться.

– Но...

– Иди спать, Сокол, – более строго произнёс Орёл, не терпя возражений.

Ого. Неужели обидел? Перешёл границу? Сокол собирался было как-то возразить, однако фигура сгорбившегося Орла остановила его.

От разговора на душе остался неприятный осадок, и Сокол, посидев ещё немного, так и не дождавшись от командира ничего вразумительного, воспользовался добротой и отправился к нему в палатку.

Уснуть в этот раз получилось намного быстрее.

Снова какие-то противные звуки, только в этот раз они доносились откуда-то снаружи. У них там что, началось очередное незапланированное собрание?

Сокол раздражённо закрыл уши, и в этот момент кто-то вошёл в палатку, впустил солнечный свет и жизнерадостно прокричал, прежде чем уйти:

– Вставай, соня! Из-за тебя мы тут торчим больше положенного!

Кому принадлежал этот звонкий голос? Ворону? Нет, тот будет как-то поспокойнее. Да и пинать начнёт, а не кричать. Сове? Определённо, нет. Кто же это тогда?

Сокол вяло открыл глаза. Он принципиально долго нежилась на месте и переворачивался то на один, то на другой бок. В конце концов, наёмник, оклемавшись, поднялся на ноги, пригладил торчавшие волосы и неохотно выполз на улицу. Его сразу встретила довольная физиономия Скворца.

Точно. Это ему принадлежал голос. Сокол и его захотел сбросить со скалы – вслед за Вороном, чтобы тому внизу ощущалось не так одиноко.

– М-м-м! Привет-привет! Как спалось? Что снилось?

Скворец кружил возле него, как назойливое насекомое, и бессовестно нарушал личное пространство. Сокол, сдерживаясь из последних сил, искал Орла – его нигде не наблюдалось, как и большей части команды. Только Сова, Ворон и эта ошибка природы. Отлично, просто замечательно.

– Где остальные? – сонно спросил Сокол.

– Они недавненько ушли! Злой человек их заставил! А вот нас из-за тебя оставили здесь!

Но если мы поспешим, то догоним их!

– Здо-о-орово. Как я рад, что нас бросили, – фыркнул Сокол.

– Вовсе нет! Командир никогда бы так не сделал, если бы на него не надавили!

– Да знаю я, гений. Я несерьёзно.

– А-а... вот оно что! Очень смешно! – прокричал Скворец.

– Обхохочешься.

Ворон, не теряя ни минуты, убрал палатку. Сова тоже не стояла и не слушала бесполезную болтовню – уже шла впереди них и изредка оглядывалась назад.

Ворон, легонько толкнув Сокола в плечо, подмигнул. Наверное, он испытывал такую же боль от присутствия неугомонного Скворца, как и его несчастный, плохо спавший друг.

– Не отставай.

Ворон поднажал, а следом за ним поскакал Скворец. Он размахивал руками и широко улыбался, словно утро и правда – поистине редкое, солнечное и удивительное.

– Как думаете, на солнце тоже живут, м-м-м... какие-то жёлтые драконы, которые умеют дышать солнечной энергией?

Скворец держался рядом с Вороном, а Соколу чудилось, что донимали только его. Звонкий голос Скворца являлся настоящим проклятием, от которого невозможно сбежать – везде найдёт.

– Или, может, проживают какие-то солнечные нивры? Или люди? – продолжил Скворец. – Или буви?

– Или сейчас там чисто случайно окажешься ты. – Ворон дал оплеуху товарищу, отчего тот застонал.

Сокол, к своему стыду, со злорадством улыбнулся. Уже давно стоило врезать этому паршивцу.

– Ну и ладно, – угрюмо промычал Скворец, обижаясь на всё и вся. – Ну и не надо. Не больно и хотелось!

Оставшаяся часть дороги прошла на удивление тихо. Никто не пытался заговорить, развеять нависшее молчание – всем, даже Сове, было как-то безразлично, что Скворец не жаловался на всеобщую несправедливость по отношению к нему.

К огромному облегчению всех, командира они догнали относительно быстро. Он делился какой-то информацией со своими людьми и по привычке размахивал руками, пока сопровождающий излишне нервно стучал ногой. Когда Орёл краем глаза заметил, как к нему со всех ног мчались те, кого он недавно оставил, то сдержанно кивнул и подозвал к себе ближе.

Сокол, почувствовав под этой миролюбивой маской что-то неладное, предпочёл любезно проигнорировать.

– С этого момента ускоряемся, иначе не успеем дойти вовремя. – Орёл интуитивно, с максимальной осторожностью, потрогал свою бороду.

– Даже не дадите перекусить? – Ворон недоумевающе поднял брови.

– Даже это, – ответил за командира сопровождающий.

– Да. Чем быстрее дойдём...

– ...тем быстрее закончим, – договорил за Орла Ворон. – Ясно.

Он намеренно приостановил шаг, чтобы поравняться с плетущимся позади всех Соколом. Ворон, что-то обдумывая, сначала молчал, только желание поделиться своими наблюдениями взяло верх, и он, ещё раз глянув на Сокола, зататорил:

– Он как будто поставил цель превыше нас. Это на него не похоже. Ещё и рванул, пока ты спал... Конечно, если бы мы сильно задержались, то он бы подождал нас, но всё равно! Ты же меня понял, да? Клянусь, во всём виноват этот странный мужик.

– Да забудь, Ворон. Что мы можем сделать? Сказать, что устали? – поинтересовался Сокол. – Пока этот кретин с нами, ничего не изменится.

– Я знаю. – Ворон замолк и через время снова с огорчением продолжил: – Он ведь наш наставник. Он заботится о нас. Мы можем подойти к нему и попросить сжалиться. Неужели ты сам этого не хочешь?

– Если ты не заметил, я из-за твоего храпа опять не выспался, – огрызнулся Сокол. – Поэтому сейчас мне нужно просто побыть в тишине. Без твоего общества, если что.

Ворон намеревался было высказаться касательно грубого ответа Сокола, выразить всё своё негодование и презрение по отношению к его равнодушию, однако не стал и специально отошёл подальше, оставив зануду одного.

Сокол, тихо ругнувшись, разозлился на себя. Он тоже был не прочь поделиться своим возмущением, с кем-то обсудить ситуацию; может, даже пошутить над их сопровождающим. Он норовил, как и Ворон, подойти к не особо радостному Орлу и потребовать у того справедливости, ведь командир вовсе не монстр! Он должен уважать свою команду даже тогда, когда заказчик требовал от них что-то нереальное.

Но Сокол не сделал ничего, и потому шагал в гордом и угнетающем одиночестве.

С этим чувством досады он не расставался на протяжении многих часов пути. Не очнулся даже тогда, когда отряд неожиданно остановился и восторженно заохал и заахал. Сокол, сосредоточенный на себе, не поднял и головы – его взгляд был прикован к собственной загрязнившейся от долгого похода обуви.

Он вернулся в реальность благодаря Сове – та потрясла его за плечо и ласковым голосом позвала несколько раз по имени. Сокол оглянулся, а потом резко замер, широко открытыми глазами уставившись на храм, находившийся напротив.

– Ого. О-о... Что... это?

Замеченная им постройка сияла в лучах солнца – нисколько не преувеличение. Её всю словно оплетали нити паутины, переливающиеся при дневном свете всеми цветами радуги. Храм пленил своей красотой людей, видевших разве что скучные тупоугольные здания, а не воздушную и изящную ниврийскую архитектуру, умело вписанную в скалу.

В белом камне, обработанном до идеальной гладкости, с вырезанными в некоторых местах узорами, напоминавшими стебли цветов, проглядывались небольшие вкрапления из золота, придававшие общей композиции что-то совершенно нереальное, сказочное и определённо фантастичное. Казалось, простые смертные пришли к покоям Сущего, великодушно приглашавшего их к себе погостить – настолько храм поражал своей уникальностью, несвойственной труду не только человечества, а ещё и нивров.

Сокол, изучая небольшие декоративные башенки, разинул рот. Впервые он лицезрел такую дивную... Нет, такую невообразимую постройку. Возможно ли, чтобы такое чудо вообще существовало здесь, в этом захолустье?

– Кажется, мы у цели. – Сова тоже с трудом сдерживала восхищение. – Нам надо подойти к Орлу. Он проинструктирует нас о дальнейшем плане действий.

Храм завладел вниманием Сокола до такой степени, что он, поглощённый великолепием ниврийской архитектуры, не отреагировал на девушку. Это место по непонятным причинам наполняло его неопишуемой силой, и Сокол не знал, как раньше без неё жил. Наёмник впер-

вые подумал, что сможет использовать магию, которой люди, в отличие от нивров, никогда не обладали.

Но когда он поднял руку, ничего не вышло. Как грустно.

– Сокол, чего ты? – в голосе Совы прослеживалось беспокойство. – Ты в порядке?

Она осторожно взяла его за рукав и потянула к себе, и Сокол, как ужаленный, нервно от неё отскочил.

– Сокол...

– Да, я в норме. Прости. Орёл ждёт нас.

Сокол, направляясь к командиру, прошёл мимо Совы. Девушка, прежде чем побежать за ним, нерешительно потёрла плечо и дала себе обещание, что обязательно, когда они будут отдыхать после миссии, поговорит с товарищем начистоту.

– ...не представляю, что будет в этом храме, но от нивров добра не жди. Не расходитесь и ничего не трогайте, слышите? Находим то, что нужно, берём и уходим. Всё уяснили? – Орёл с прищуром оглядел сопровождающего, подозрительно сторонившегося их. – Вы с нами?

– Я буду здесь.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Хорошо, – не стал настаивать Орёл. – Ваше право.

Сокол фыркнул. Этот человек ему совершенно не нравился – он слишком изворотливый и непонятный. Если сопровождающий знал, что там опасно, то почему не сообщал им? Это выгодно в первую очередь ему, ведь живые наёмники явно полезнее, чем мёртвые.

Сокол, размышляя над этим и неприкрыто пялясь на чужака, скрестил руки на груди.

– Пожалуйста, ради Сущего, – взмолился Орёл, обращавшийся к команде, – будьте осторожны.

Ворон обернулся, нашёл Сокола, и, встретившись с ним взглядом, сразу же отвернулся.

– Вы с ним поругались? – тихо спросила Сова, когда заметила между ними напряжение.

– Видимо.

– Помиритесь. Если не сейчас, то потом, ладно?

Сокол кивнул. Он не гарантировал, что всё пройдёт как надо, однако он постарается. Честно.

Орёл приблизился к храму и проверил его на наличие возможных ловушек. Не отыскав ничего подозрительного, он стал толкать огромную, также украшенную каменными стеблями, дверь. К нему подбежали остальные, когда командир промучился с ней довольно долго.

Сначала она никак не поддавалась, чем несказанно раздражала и Орла, и отряд, а потом, когда все, под его указку, одновременно приложили максимум усилий, дверь медленно и с шумом начала, как врата, открываться.

Сокол на всё собрание смотрел с любопытством. Он изредка переводил внимание на загадочного человека, от нервов грызшего ногти и одновременно с этим неотрывно следившего за наёмниками, пока последние пытели от тяжести. Казалось, он вот-вот сорвётся с места и проскользнёт в храм, только вот что-то останавливало его, и мужчина не двигался.

Дверь открыли настолько, что появилась возможность свободно зайти внутрь всем, даже крупному Воробью.

Первым прошествовал в храм, как самый главный, Орёл. Он считал: смерть командира в случае чего сможет послужить остальным уроком, и команда поступит как подобает.

Наивно.

После сообщения, что всё в полном порядке, зашли за Орлом остальные. Один Сокол поколебался. Его вновь захватило странное беспокойное чувство, никак не утихавшее. Вдохнув всей грудью и досчитав до десяти, он подошёл к постройке и, сделав один уверенный шаг внутрь, оказался сразу на удивительной территории.

Всё сияло и блестело. Не так, как снаружи. По сравнению с внутренним убранством, внешний вид самого храма – заурядный, даже блеклый. В помещении, куда угодил Сокол, сверкало много золота, а белые рельефные стены, украшенные различными драгоценными камнями и цветами, вырезанными из камня, наталкивали на мысль, что всё это – красочный сон.

За колоннами, держащими высокий расписной потолок, прослеживалось невероятное множество сокровищ, валявшихся небрежно, будто это – мусор, а не что-то стоящее.

По центру – выстлана бархатная дорожка, нетронутая временем. Она вела к небольшой лестнице.

– Не разбегайтесь! – гаркнул Орёл, когда многие начали постепенно останавливаться и отходить от основной команды, чтобы осмотреть блестящие предметы и спрятать их в своих сумках.

Сокол, предчувствуя впереди крупную наживу, держался пока с Орлом. Впрочем, в своё оправдание он мог сказать, что его не особо притягивало всё это подозрительно разбросанное золото. Благодаря ему, конечно, существенно увеличивался шанс беззаботно зажить, однако ловушки? Он ничего не знал о гадких сюрпризах, заготовленных тут. А Сокол хоть и мечтал о славном богатом будущем, сомневался, что если поведётся на такие манящие сокровища, то сможет вообще выйти отсюда и устроить себе это самое счастливое будущее в тёплой дорогостоящей кровати где-то в центре Куллара¹.

– Кретины, – произнёс больше для себя, чем для других, Орёл. – Повыкидываю их после этого, клянусь зубом. Если что-то случится, заказчик нас убьёт.

– Со всеми бывает, сэр. – Воробей принял важный вид. – Деньги портят людей. С этим, к сожалению, ничего не поделать.

– Пусть со своими деньгами на улице прохлаждаются. Мне в отряде такие ветреные мерзавцы не нужны.

– Только вот не говори, что тебя самого не притягивает всё это безумство, – вмешался Сокол.

– Если продолжишь в том же темпе, то первым вылетишь, – пригрозил Орёл, поднимаясь по лестнице.

– Бу-бу, какой ты грубый...

Эта часть храма особо не отличалась от предыдущей: снова золото, и эта противная, ослепляющая белизна – даже на улице не так светло, как здесь. Кроме того, теперь посередине возвышался орехового цвета постамент, оплетённый серебристыми стеблями, над которым парило светящееся голубоватое перо неизвестного происхождения.

– Так полагаю, это наш заказ, сэр, – отметил Воробей.

– Не нравится мне, как эта дрянь располагается. – Сокол скривился. – Слишком уж на видном месте. Смахивает на ловушку.

– Я рискну. – Командир потрогал рыжую бороду. – Не подходите.

Орёл бесстрашно направился к парящему перу. Сова от волнения закрыла глаза, а Ворон и Воробей отошли в сторону, чтобы при непредвиденных обстоятельствах иметь возможность как-то помочь.

Сокол же, забыв про Орла и его безопасность, неожиданно абстрагировался и заикнулся на одном выделяющемся предмете.

На тёмно-красной книге, лежавшей в груди сокровищ, сливавшихся в единое пятно.

Могла ли это быть небольшая подсказка по использованию летающего артефакта? Сокол планировал проверить. Он, проигнорировав окрик Совы, шустро, всего лишь за пару больших шагов, добрался до заветного предмета, завладевшего его вниманием.

¹ Столица людского Королевства Ин-Нар.

Ворон же, следя за передвижениями Сокола, оставил общество Воробья и двинулся к другу.

– Какого ты делаешь? – Орёл, находясь уже рядом с постаментом, озадаченно глянул на Ворона.

– Сокол что-то нашёл.

Сокол провёл пальцем по пыльной обложке, усеянной тонкими венами. Несмотря на необычный рельеф, материал казался на удивление приятным: настоящая кожа, выделанная со всем изяществом и мастерством. Кроме того, от этой вещи исходила какая-то тяжёлая энергетика, пробиравшаяся внутрь и заставлявшая сердце биться в два раза быстрее.

Как странно.

– Я что вам сказал?! Сокол, живо возвращайся!

Мозги начали судорожно работать. Эта обволакивающая аура спутывала мысли, пыталась подчинить и сделать безвольной марионеткой. Она вбивала в голову то, что никак, даже под страхом смерти, не хотелось совершать, и принуждала открыть книгу, впитать в себя накопленные знания.

Сокол, сглотнув вязкую слюну, дрожащими пальцами схватился за уголок толстой обложки.

– Сокол? – Ворон окликнул его, а в ответ не получил никакой реакции. – Эй, приятель?

Ворон побежал к другу, уже раскрывшему книгу. Та по краям заискрилась ярким огнём, охватившим руки Сокола. Надписи загорались и исчезали, а странички с невероятной скоростью переворачивались и молниеносно сжигались.

Из книги исходило фиолетовое, неясное свечение, становившееся всё темнее и темнее.

Неожиданная вспышка ослепила всех находившихся в храме.

Что за?..

Онемели пальцы, конечности, язык – Сокол перестал себя чувствовать. Зрение расплылось, а предательская пустота окутывала ускользающие частички разума. Складывалось впечатление, будто наёмника отстранили от управления собственным телом.

Кто-то звал его. И его ли? Он окончательно потерял связь с реальностью.

Было множество криков. Таких отдалённых, словно они издавались в страшном сне. Знакомые голоса всё произносили одно слово, ошарашенно, а потом затихали.

Затухали так же, как огонь на книге, стремительно превращавшейся в пепел.

Сокол, сбитый с толку, не понимал, почему люди вопили, когда ему впервые за долгое время удалось побыть в шкуре свободного человека – на короткий миг от него ничего не зависело, и он мог парить там, где ему только заблагорассудится.

Так что же?..

Когда он открыл глаза, то с замешательством обнаружил, что сидел рядом с постаментом на коленях, а сложенные в молитве руки были плотно прижаты к солнечному сплетению. Сокол медленно, боясь увидеть что-то жуткое, с быстро бьющимся о грудную клетку сердцем развернулся и...

Лицо побледнело, а дышать стало почти невозможно. Горло резко пересушило, а губы, безрезультатно пытаясь что-то из себя выдавить, конвульсивно задвигались.

Вокруг больше нет живых людей. Возле него ходили высушенные до омерзения человеческие кости со свисавшей фиолетовой кожей. Все они были так изуродованы, что Сокол не мог определить, кто есть кто.

Одно существо потянуло к нему свою руку – и та сразу же отвалилась и упала с оглушительным шумом на пол.

А почерневшее кольцо, покотившееся по лестнице так медленно, будто кто-то наложил на это место чары, слишком уж напоминало то, которое трогал совсем недавно Орёл.

Сокол закричал. Громко, надрывно. Голосовые связки напряглись до предела, готовясь в любой момент сорваться. Его никогда раньше не охватывал такой неконтролируемый ужас, но сейчас... Сейчас это – сильнейший ураган всех эмоций, разрывавших его пополам.

Он согнулся и схватился за волосы в надежде избавиться от нахлынувших образов, заставлявших желудок сжиматься в спазмах.

Кажется, его тошнило, пока в голове что-то утомительно говорило:

Люди такой неустойчивый материал. Как жаль.

А затем раздался мерзкий смех.

Часть первая. Сгорающие крылья

I. Непредвиденные обстоятельства

Сокол сидел в какой-то таверне, пропахшей мочой и рвотой, и выпивал уже в пятый раз непонятную бурду. Он с неприязнью поставил кружку на стол и вытер с неаккуратной бороды пену. Его губы изогнулись в ироничной усмешке.

До чего же он докатился. Стыдно, но не настолько, чтобы что-то менять.

За день, если Сокол не разучился считать, он покупал приблизительно десять кружек этой отвратительной кисловатой жидкости. Желудок, лишь чудом державшийся при таком неконтролируемом употреблении алкоголя, издал в очередной раз пугающий бурчащий звук.

Печально.

Сокол скусающе глянул на мерзкого мужлана, дёргавшего за юбку расфуженную дамочку, бегавшую между столами с деревянным подносом и разносившую пойло. Та вместо того, чтобы как следует ему врезать, только глупо и вызывая хихикала.

Мерзость.

Сокол, тяжело вздохнув, посмотрел на свои ладони. Он сжал пальцы и почувствовал острую боль из-за того, что кожа рук была исполосована мелкими, кровоточащими царапинами. Ещё как назло занял низ живота – да так, будто внутренности начали резать тупыми осколками стекла – медленно так, мучительно.

«Доигрался. Молодец. Ещё один глоток – и точно скончаешься», – с горькой усмешкой подумал наёмник, осознавая, что ему плевать. Сокол пребывал в подавленном состоянии уже целый год, и он мечтал умереть – и наконец-то избавиться себя от страданий, преследовавших его ежесекундно.

Кто-то покосился на него, и Сокол закатил глаза. Немудрено, что его кислая мина вызвала у многих подозрения. Вокруг наёмника ходили различные слухи: мол, этот человек убитый горем вдовец, потерявший из-за нивра маленькую дочурку и прекрасную жёнушку. Сокол смеялся в голос, когда некоторые, особо верующие в эти бессмысленные теории, подходили к нему, снимали шляпы и плаксиво выражали свои соболезнования.

Кретины.

С завидной регулярностью его также донимали, как ни странно, сосунки, впервые посещавшие таверну, находившуюся за пределами захудалой деревни, и с любопытством слушавшие все сплетни. Они относились к категории невоспитанных идиотов, но в них имелся свой толк: для Сокола эти люди служили своеобразной отдушиной – когда лезли к нему с насмешками и не понимали, что он не настроен на общение.

Наёмник ненавидел, когда его трогали. И он делал всё возможное, чтобы его сторонились. К счастью, хозяин таверны не вешал на Сокола ярлыки и не запрещал ему, невзирая на неидеальное поведение, наведываться в его заведение. Он приносил прибыль – и это оставалось главным.

Сокол прикусил губу. На самом деле, он не любил свою жизнь, эту таверну, не любил боль, которая возвращалась к нему по утрам. Не любил скорбь и кошмары, где родные люди превращались в мёртвую высушенную плоть, распадающуюся на глазах. Он презирал свою совесть, вгрызавшуюся в сердце. Он ненавидел себя за то, как обходился в тот день со Скворцом, как желал сбросить со скалы Ворона за его храп, на который бы сейчас с удовольствием обменял нынешнее существование. Он скучал по Орлу и по его тёплому, иногда сварливому голосу. А теперь... Теперь Сокол остался совсем один, и он начал ценить свою команду лишь тогда, когда её потерял. Какая жестокая ирония.

После того, как наёмник выбрался из проклятого храма, ему казалось, – за ним ринутся в погоню. В конце концов, сопровождающий превратился в пепел, заказ не выполнен, а необычное голубоватое перо вместо того, чтобы красоваться в руках заказчика, успешно хранилось в сумке Сокола. Он считал важным оставить этот артефакт у себя. По крайней мере, он ему был зачем-то нужнее, чем этому неизвестному человеку, по чьей вине всё покатилося в тартарары.

Сокол мечтал его прикончить.

Эта ненависть кипела в каждом потаённом уголке сознания. Сокол рвался разыскать его и отомстить, но потом, успокаиваясь, понимал, что ко всей беде причастен только он. И никто больше.

К радости Сокола, за ним не погнались. Или же просто не нашли. Хотя, возможно, его давно убили во сне, и всё происходящее – одна из вариаций упущенного будущего, что было, без сомнений, обычным пьяным бредом. Скорее всего, заказчик нанял других людей – когда одни наёмники нежданно-негаданно испарились и не принесли ему желаемое. Хотя навряд ли те смогли обнаружить, если добрались до храма, что-то полезное. Хотел бы Сокол глянуть на эту напыщенную, искажённую гневом морду.

В первые месяцы Сокол надумывал как-нибудь обратиться к ниврам, попасть мистическим образом в их Королевство и попросить о помощи. Перо было в их храме, а значит, они должны что-то знать. Хотя бы маленькую крупицу информации, за которую удалось бы зацепиться. Но гордость переборола здравомыслие, и Сокол поддался простой человеческой апатии и оставил всё как есть.

Потом, когда глеты подошли к концу, он решил, что лучше всё же отыскать заказчика, отдать ему артефакт и получить заслуженный гонорар. К тому же наёмник не мог воспользоваться этой треклятой штукой и считал её бесполезной, поэтому зачем она ему? Но каждый раз Соколу хватало сил только на то, чтобы добрести до привычной таверны. Так и была заброшена идея с возвращением артефакта необходимому человеку, которого он, откровенно говоря, даже не знал. Все данные о заказчике пропали вместе с Орлом и сопровождающим.

Когда деньги всё же закончились, Сокол вспомнил, каково это быть бродяжкой с улицы. Он добывал глеты не самым законным способом, но ему это позволительно, правда ведь? Его душа давно перестала быть белой и пушистой. Теперь она принадлежала убийце, чья голова должна лежать на плахе, а ещё лучше – в кровавой корзине с такими же убогими людьми.

Сокол скривился.

Живот очень кстати прошёл, и наёмник, одним глотком выпив жидкость, почувствовал новую боль – уже в горле. Сокол скорчился, задышал быстрее и разинул рот – глотнуть воздуха.

Сколько ещё могло продолжаться это добровольное уничтожение организма? У Сокола не нашлось ответа, однако он понимал, что на полном серьёзе готов так глупо подохнуть. Ему куда проще удавалось скрывать свои душевные переживания в этой зеленоватой бурде, разъедавшей внутренности, чем стремиться к чему-то большему.

Пожалуй, он не просто слабак. Он – ничтожество.

На дне кружки ещё булькала жидкость. Сокол редко допивал остатки роскоши: они на вкус казались хуже, чем сам напиток в целом. Наёмник решался на такой подвиг лишь в тяжёлые дни, когда хотелось не то сдохнуть, не то скрыть свою непроходимую печаль в чём-то противном и крепком.

Понаблюдав в тусклом освещении, как напиток переливался болотным оттенком, Сокол с огорчённым стоном плюнул на пол, выпил и опять схватился за горло. Ну что за напасть! Боль была терпимой, и всё же она то нарастала, то через секунды утихала, то вновь напоминала о себе. Сгорбившись, он, стараясь как-нибудь абстрагироваться от этих гадких ощущений, зажмурился.

Через несколько минут полегчало. Видимо, за долгое время у Сокола выработался иммунитет не только к алкоголю, а ещё к боли.

Когда он потянулся к небольшому мешочку, висевшему у него на поясе, и обнаружил, что в нём не осталось ни одной глоты, то первым делом, что Сокол сделал – это грязно выругался. Потом – осмотрелся. Люди вокруг него запевали песни, поднимали огромные кружки, улыбаясь во все зубы и залпом выпивали своё грязное пойло.

Не испытав от этого вида никаких положительных эмоций, Сокол, опираясь о стол в стремлении не повалиться на пол, с трудом поднялся на дрожащие ноги.

Вероятно, спускать последние глоты на алкоголь было отвратительной идеей. Впрочем, это уже не имело значения.

Наёмник, не доходя до двери, ведущей прочь из таверны, ощутил, как всё тело предательски напряглось. К горлу подступил новый ком, не предвещавший ничего хорошего. Сокол взялся за голову и сделал ещё пару неуверенных шагов.

Перед глазами всё закружилось. Наёмник совсем не соображал, куда плёлся и, самое главное, зачем. Огромный мир в один миг потерял все краски и оставил после себя пустоту.

Но Сокола она почему-то не пугала.

Не успел он окончательно опомниться и вынырнуть из беспамятства, как наткнулся на крупное препятствие. В следующий момент его тут же потащило вперёд, и, когда ему наконец-то удалось привести зрение в порядок, в лицо прилетел кулак.

Сокол с шипением повалился на пол. Он, подавив в себе жгучее желание никогда не вставать, приподнялся на локтях и выплюнул сгусток крови.

– Мудак, никто не смеет прикасаться к Большой Секире! – взревел гигант, грубо взявший своего врага за шкуру. – Ты жалкий и пьяный червяк!

– А ты компенсируешь свои комплексы за идиотским псевдонимом, но я же неставляю это на показ, – с кровавой ухмылкой проговорил Сокол.

Послышались одобрителные возгласы.

Большая Секира, подумав некоторое время над смыслом сказанного, грозно нахмурился и громогласно зарычал. Он бросил обидчика прямо на стол, тут же сломавшийся под чужим весом.

– Ты будешь платить за порчу имущества, неповоротливый ты дерьмод!

Большая Секира, уставившись на хозяина, выбежавшего в самый центр таверны, виновато опустил голову и пролепетал:

– Извините...

– Нет! Никаких извинений. Это был десятый раз за неделю. Десятый, Сущий тебя дери!

– Этот человек, – он указал на Сокола, старательно пытавшегося вновь подняться и при этом не повалиться на кучу острых дощечек, – сам виноват. Он врезался в меня. Коснулся! Я ненавижу, когда меня трогают!

– А если тебя тронет дракон, ты тоже будешь размахивать своими тупыми кулаками?!

– Да, – по-детски наивно пролепетал Большая Секира, неловко потоптавшись на месте.

Было достаточно странно следить за тем, как мускулистый мужчина под два метра ростом объяснялся перед хлипким хозяином – совершенно непримечательным и определённо не обладавшим никакими боевыми навыками для защиты. При желании Большая Секира мог просто взять – и согнуть этого человека, как тонкую ветку. Однако вместо этого он извинялся.

Сокол, уже благополучно ставший на ноги, при виде этой донельзя нелепой картины громко рассмеялся, хоть ему и было невероятно больно издавать любые звуки.

– Вот никогда бы не помыслил, что такой безмозглый верзила, – пробормотал Сокол, вытерев рот, – будет ещё более ничтожен, чем он есть на самом деле. Неужели у тебя нет гордости?

Большая Секира поднял на обидчика уничтожающий взгляд. Обладая он магическими способностями, то от Сокола не осталось бы даже песчинки – лишь одно воспоминание. В мужчине пылала сильнейшая ненависть, насторожившая присутствующих.

– Большая Секира... – тихо обратился хозяин таверны. – Пожалуйста, будь благоразумнее. Не слушай этого дурака.

– Я вообще-то здесь, – недовольно заметил Сокол. – А вот этот мудозвон, видимо, совсем сбрендил. Я удивлён, как он в принципе способен обрабатывать информацию. Для этого, наверное, нужны все нулевые умственные способности? Бедняжка.

Верзила, задетый нелестным комментарием, не стал церемониться. Он понёсся со всей скоростью на Сокола, который в пьяном состоянии не сумел вовремя отскочить. Большая Секира, зло завопив, взял его за грудки и под громкое ругательство бросил в окно. Осколки стекла полетели в стороны; кто-то – скорее всего, хозяин – закричал, а Секира же кинулся на выход из таверны с чёткой целью добить своего обидчика.

Сокол, потерявшись в пространстве, хрипло простонал и закашлялся. Все его конечности и внутренности ныли, голова раскалывалась, что только сильнее ухудшало и без того паршивое самочувствие.

– Я убью тебя! Убью-ю, жалкая муха! – Верзила показал пальцем на валявшегося Сокола. – Отныне ты никогда не посмеешь меня оскорбить!

– Ага. – Наёмник с болезненной улыбкой повернулся к Большой Секире. – Ты сам прекрасно с этим справляешься.

Крупный мужчина закричал и снова побежал на своего врага. На секунду Сокол успел подумать, что вся его жизнь вела именно к этой бестолковой кончине. Его это не расстроило, но и положительных эмоций после такого открытия не прибавилось. Появилось только странное равнодушие.

Зажмурившись, наёмник, надеясь избежать столкновения, прикрылся руками. Время словно замедлилось, и в один прекрасный миг ему почудилось, что он уже давно погиб самой мучительной смертью, а его труп едят хищные лүпо⁵¹, разрывающие его настрадавшуюся плоть своими жутко острыми светящимися клыками.

Сокол неожиданно услышал гортанный стон. Он, не открывая глаз, судорожно, игнорируя боль от стекла в коже, отполз назад и наткнулся на дерево. На нервной почве ему показалось, что он прошёл сквозь него и уже падал куда-то вниз – в нескончаемую темноту.

Наёмник не верил в призраков, хотя иногда особо впечатлительные завсегдатаи в таверне поговаривали, что их дом захватывали неупокоенные души, пугавшие их то по ночам, то рано утром. Сокол это отрицал, однако сейчас алкоголь и паника делали своё дело, и он ощущал себя не только призраком, а и нивром, и драконом, и, упаси Сущий, огром.

Когда его грубо ударили по щеке, то он, продолжая витать в своих фантазиях, отвернулся. Но на второй раз ему всё же пришлось открыть глаза и встретиться с хмурым лицом... девушки? А где Большая-как-его-там-ерундовина?!

Сокол, кряхтя, заглянул за плечи рыжеволосой незнакомки и лицезрел, как верзила, с кинжалом в виске, лежал мёртвый на траве. Нервно выдохнув, он посмотрел с неподдельным шоком на девушку, отчего та закатила глаза.

– Я умер? Ты – Сущий? Я на Небесах?

– Я твоя смерть, если ляпнешь ещё какую-нибудь очередную чепуху, из-за которой я пожалею, что убила невиновного. Кошмар!

Сокол опять выглянул – убедиться, что верзила всё же мёртв, и это не его предсмертные галлюцинации. Однако помимо тела он увидел ещё и живых людей.

– Ты возместишь мне ущерб! – крикнул владелец таверны и погрозил кулаком.

¹ Размер взрослой особи (без учёта хвоста) около 100 см. У них маленькие глуповатые глаза, длинная морда и очень короткий хвост, который всегда поджат к задним ногам. Главная их особенность – это светящиеся зубы, благодаря которым в тёмное время суток они приманивают к себе любопытных существ, чтобы затем их съесть.

– А ещё моральный! – добавил кто-то из толпы. – Моральный в данной ситуации превыше всего!

– Именно! – охотно согласился владелец. – А ещё моральный!

Девушка, живо развернувшись на шум, прокляла всё, что только можно и нельзя, после чего схватила вялого и израненного Сокола за руку и подняла на ноги. От такой резкости у наёмника сильно закружилась голова, и его снова затошнило, поэтому о достойном ответе каждому, кто требовал от него невесть что, пришлось забыть.

– А ну куда! – загалдел владелец. – Вы будете оба платить мне за то, что учудили, вандалы! Узурпаторы! Воры! Я буду вам мстить всю свою жизнь!

Сокол, шатаясь и соображая хуже Большой Секиры, показал крикливому мужчине язык, из-за чего тот заголосил ещё громче. Только его угрозы вышли бессмысленными, потому что этот кретин, умеющий только горланить, не соизволил даже побежать за ними. Незнакомку он бы навряд ли догнал – она была довольно резвой, а вот пьяного в стельку и хромающего от боли Сокола – без проблем.

Когда крики перестали различаться, девушка наконец-то остановилась. Наёмник, неудачно вписавшись ей в спину, неуклюже упал на пятую точку и застонал.

– Эй, ты совсем, что ли?! Следи за своей координацией!

Сокол потёр затылок, несколько раз поморгал и попытался понять, во что опять влип.

– Неужели я жив? – с неверием спросил он, вытаскивая под собственное шипение стекло из руки. – О нет, я жив! Как я этому не рад. Хотя смерть от руки того миниатюрного дружка была бы идиотской. Как и от кучи долгов того неадекватного владельца... А прежде он показался мне вполне нормальным, знаешь.

Девушка, забыв про правило не трогать сидячих и избитых, в очередной раз влепила разболтавшемуся Соколу пощёчину, и тот, обидчиво скривившись, потёр покрасневшую кожу. Кажется, это её любимый метод контроля людей.

– Смотрю, ты боевая.

– Смотрю, ты давно пропил свои мозги.

– Как мило. – Он фыркнул. – Если я пропил мозги, то зачем надо со мной сюсюкаться и спасать от толпы негодяев?

– Я давно за тобой слежу, – просто призналась она, порядком удивив Сокола. – И твой мини-лагерь тоже знаю. Из всех посетителей таверны ты был единственным нормальным человеком.

– Неубедительно. И звучит очень дико. Я должен тебя бояться.

– Я тебя снова ударю, если продолжишь городить ахинею.

– Теперь убедительно. – Сокол усмехнулся. – Что ещё расскажешь?

– Ты хам и грубиян.

– О да, а ещё я алкоголик и убийца. Но это не точно. Память на старости лет уже основательно отшибло. Не представляешь, как мне печально от этого.

– Идиот, – злостно проговорила девушка.

– Да-да, милые приветствия. Всегда мечтал, чтобы меня оскорбляли незнакомые люди. – Сокол кинул стекло и приступил к следующему, опасно близко находившемуся возле вен. – Так какого феула ты за мной следила, извращенка?

– Ч-что! – Она смутилась, чудом собралась и стала вновь серьёзной и неприступной. – Ты... какой-то другой. Печальный. Да и слухи вокруг тебя были, ну, сам понимаешь. Я им не верю, но я умею отличать людей, пьющих ради удовольствия, от тех, кто пытается спрятаться от реальности. Поэтому я и подумала, что...

– Что я какой-то горюющий вдовец? – Сокол рассмеялся. – О-о, нет-нет. Это ты не по адресу! Я отнюдь не семейный человек. Да и помогать в любом случае не стал бы. Зачем мне это, а?

– Я тебя спасла! Я убила... О Сущий, у меня из-за тебя руки в крови!

– Какой великий подвиг! – Он, шумно дыша, поднялся на ноги. – Премного, конечно, благодарен, только мне от твоего спасения ни горячо ни холодно. Можешь, если так хочешь, прибить меня тут. Я тебе даже поддамся. Будет ещё один труп на твоей совести.

– Ты не можешь так поступить!

– Ка-ак? – Сокол искренне изумился и развёл руки в стороны. – Просто уйти? Как обычный человек? А-а-а, ты же полагаешь, что я убит горем и готов рвать себе задницу, чтобы помогать всем нуждающимся. Ну, прости, что разочаровал тебя.

Девушка предупреждающе замахнулась – по всей видимости, вновь преподавать своему неблагодарному спутнику урок, – и тут же осеклась, увидев на его окровавленном лице полное безразличие.

Она, коря себя за проявленную глупость, отошла от него. Всё время, потраченное на изучение этого безумца, девушка могла бы пустить на поиски куда более сговорчивого и менее проблемного человека, однако вместо этого тешилась нелепой иллюзией и надеялась на милость Сущего. Дура! Какая же дура!

Но ничего. Она не собиралась так просто сдаваться. А пожалеть себя можно и позже.

– Скажи мне вот что. – Девушка завела руки за спину и хитро улыбнулась. – Ты ведь наёмник?

Сокол, резко выпрямившись, прищурился и по-новому, оценивающе, взглянул на неё.

– Что?.. Откуда?

– Это очевидно! Твоя борода... она... кошмарная! – её тон стал решительнее и грубее. – А если серьёзно, то твои манеры, твои убогие повадки, твои эмоции, которые ты не умеешь подавлять. Ты же типичный наёмник! Конечно, я понимаю, что это лишь моё впечатление, однако я попытала удачу – и оказалась права. Ты раскрыл себя. Браво.

– Ты гадкая обманщица, – презрительно выплюнул Сокол, с опаской косясь на девушку.

– Мой дорогой, поздравляю, ты почти близок к правде. – Она отцепила от пояса увесистый мешок и подняла его. – Мне плевать, что ты делал, кого убивал и сколько грехов накопил за всё время. Этих денег тебе хватит на пару месяцев. Когда мы разберёмся с работой, то я добавлю тебе ещё. Ведь так вы, наёмники, работаете?

– Я больше не наёмник. И мы никого не убивали.

– Разве это имеет значение?

– Что тебе вообще от меня нужно? – Сокол, не отрывая от девушки цепкого взгляда, поравнялся с ней. – Кто ты такая?

– Я – Медёя, и это единственное, что тебе нужно знать, – с наигранной милой улыбкой ответила она. – Нам надо пробраться в один дом и забрать там одну вещь, которая принадлежит мне.

– И неужели ты не можешь разобраться с этим сама? – недоверчиво полюбопытствовал Сокол. – Плохо верится.

– Отвлекать и красть очень проблематично, если ты не в курсе. Мне нужен запасной человек, но не тупой пьяница, который совершит столько ошибок, что я сотню раз пожалею о том, что связалась с ним.

– Какое красочное описание. Я отлично подхожу под него, – пробормотал Сокол. – И где находится твой дом?

– Не в Кулларе, не волнуйся. В одной деревушке. Верфидо. До неё три дня пешком. Согласен на такие условия? – Медёя, поджав губы, внезапно скривилась. – Только сначала тебе лучше привести себя в порядок. Не хочу, чтобы ты подох в пути.

Она протянула руку, и Сокол, задумчиво посмотрев на неё несколько секунд, решил, что терять ему всё равно нечего.

Он пожал её ладонь в ответ.

– Я Сокол. Надеюсь, я не пожалею об этом.

– Твоё дело исполнять работу. Всё остальное я беру на себя.

И, игриво подмигнув, она взглянула на солнце и двинулась по направлению к Верфидо.

Верфидо не был оплотом Королевства Ин-Нár и, по сути, являлся устаревшей и маленькой деревней, где ничего не происходило. Иногда сюда приезжали люди, но они не задерживались в Верфидо и сразу же уходили, как правило, в лес, за ручей, протекавший совсем неподалёку от поселения. Никто особо не интересовался подробностями приезда незнакомцев – все просто наплевали.

Как типично.

– Мне неудобно, – тихо поделился наёмник, когда они проходили очередной низенький деревянный домик. – Тут всё до жути однообразно!

– Такая ситуация во всех городах и деревнях Королевства. Уж, увы, наш Король любит жить в достатке и обставлять лишь столицу. В конце концов, это его личная гордость.

– Тоже мне гордость. – Сокол закатил глаза. – Так возвышенно звучит.

– Ты очень категоричен. – Медея повернулась к наёмнику. – Если тебя услышат другие, то они закидают тебя камнями.

Сокол, не удержавшись, расхохотался. Люди, стоявшие рядом с колодцем, располагавшимся прямо в центре Верфидо, настороженно обернулись на шум и с подозрением воззрились на человека.

– Ты совсем полоумный?! – гневно прошипела Медея, заметившая повышенное внимание не только к спутнику, но и к себе. – Прекрати!

– Ха! – Сокол, вытерев выступившие от смеха слёзы, выпрямился и невозмутимо глянул на девушку. – Да я сам кого угодно камнями закидаю. Ты думаешь, меня заботит мнение этого сброда? Увольте!

– Хватит вести себя как говнюк, высокомерная ты выскочка! Если тебе всё равно на моё дело, то прояви хотя бы уважение к своей плате. А она будет, если ты своими куриными мозгами ещё не допёр, только после успешного выполнения задания. – Она грубо взяла Сокола за ухо с висевшей на нём серёжкой и под чужое шипение толкнула. – А теперь заткнись и живо иди вперёд.

– Эй! Удар в сердце!

– Сейчас будет удар не только в сердце, но и физический в твою печень.

– Я сделаю вид, что испугался. – Сокол театрально схватился за лоб и крутанулся на пятках, чувствуя себя намного лучше, чем три дня назад, когда его избили. – А в душе я всего лишь бедный бард, которому не хватает публики.

Недалеко от колодца разместились четыре лавки – по две с каждой стороны. И они, будто сговорившись, торговали одним и тем же: овощами.

Что самое занятное, как заметил один лишь Сокол, конкуренции у этих людей не было никакой. Все спокойно стояли рядом со своими прилавками, из-за чего, если не приглядываться, могла возникнуть мысль, что они обычные статуи, слишком похожие на живых созданий. Ни один продавец не махал руками, не подзывал к себе, не пытался перекричать обещаниями про щедрые скидки и не ругался. Они просто замерли, как неживые, на одном месте. Под жарким солнцем. Они точно люди?

Ещё больше жути нагоняло то, что эти продавцы, как и другие жители, наблюдали за непрошеными гостями. Бездвижно. И чересчур пристально.

– Знаешь, кто ты в душе? – Медея схватила Сокола за плечо. – Ты безумец! Прекрати сейчас же!

– Я бедный, бедный ба-ард!

Он резко вырвался и отскочил. Не ожидая подлянки, Сокол оступился и случайно врезался во что-то деревянное и хлипкое.

Послышался грохот, и вся импровизированная лавка, не представлявшая из себя ничего особенного, развалилась в пух и прах. Посыпались овощи, и Сокол смог увидеть, насколько они были гнилыми: из них повылазили мерзкие черви и поползли по земле куда подальше.

– Проклятье! – прокричала Медея. – О Сущий, умоляю, простите моего друга! Он серьёзно болеет. А ещё он совершенно не умеет ориентироваться...

Она подскочила к продавцу, который, опустив голову, безжизненно пялился на своё разрушенное детище. Он равнодушно хмыкнул, взял в воздухе невидимый предмет и переложил его в другое, такое же незримое место.

Со стороны это выглядело как минимум ненормально.

– Эй? – Медея щёлкнула пальцами перед лицом мужчины и недоумевающе скривилась. – Что это с ним?

– Что-то мне подсказывает – они под гипнозом. – Сокол, отряхнувшись, мельком изучил других людей, не проявлявших интереса к возникшему погрому. – Надо проверить.

– Целая деревня и под гипнозом? – Медея нервно ухмыльнулась. – Это бред!

Сокол, нахмурившись, подошёл к первому жителю – девушке, безостановочно поправлявшей волосы. Она смотрела на него стеклянными глазами, свойственными мертвецам, и не подавала признаков жизни. Махнув ладонью перед её лицом и не заметив никакой реакции, Сокол приблизился к следующему человеку – к мужчине. Когда и он не отозвался на раздражающие манипуляции, наёмник пихнул его. Бесполезно.

– Они действительно будто не здесь, – Медея, изучавшая странную девушку, обратилась к Соколу. – Я не могу в это поверить. Человек не в силах загипнотизировать всю деревню. Никто бы не смог!

– Ну, значит, это очень сильное существо, и нам настанет конец, если мы отсюда не свалим. – Он пожал плечами. – Рассматривай это как предупреждение от судьбы.

– О какой судьбе ты вообще говоришь?! В деревне люди в таком... в таком состоянии! И мы даже не в курсе, с чем это связано. Раньше такого не было...

– Да плевать! Нас сейчас волнуют не люди.

– Зараза! – Она злобно топнула ногой. – Ненавижу!

Медея быстро направилась вперёд, и Соколу пришлось ускориться, чтобы догнать её.

– Если ты планируешь узнать, с чем это связано, то спешу тебя огорчить. Я не собираюсь ради денег умирать. Да и что мешает мне украсть твои глеты и сбежать отсюда, м? – Он гадко улыбнулся. – Наёмникам это тоже свойственно, когда их жизни что-то угрожает.

Сокол не успел сориентироваться, как его резко толкнули к стене деревянного дома и прижали к горлу острый клинок, даже при малейшем соприкосновении резавший кожу.

– Вау... – только и смог выдохнуть он.

– Если ты хоть пальцем тронешь меня и мои деньги, я перережу твою глотку, а твои органы продам или скормлю. – Медея повела лезвие в сторону, из-за чего ранка стала длиннее. – Если ты думаешь, что ты особенный, то зря. Ты такое же жалкое ничтожество, как и все вокруг тебя. Ты ничего из себя не представляешь.

– О, как грустно. – Сокол осторожно коснулся женских пальцев в перчатке и медленно отвёл от себя кинжал. – А ты? Тоже в этом списке?

Взгляд Медеи потемнел, и она снова предупреждающе приставила клинок к шее наёмника, но тут же отдалилась и спрятала оружие в ножны.

– Идём. Чем дольше мы находимся здесь, тем сильнее я чувствую страх. А я не перебарываю страх.

– Хотя в чём-то мы с тобой солидарны.

Медея предпочла проигнорировать колкость спутника. Она развернулась к нему спиной и поплелась напрямик к каменному дому, выделявшемуся на фоне всех маленьких построек. Он определённо принадлежал кому-то богатому и выглядел в целом очень недурно. Помимо этого, он был выше. Да, пожалуй, это первое, что бросалось в глаза.

Сокол хоть и желал узнать, кто жил в доме, решил всё же промолчать. Однако надолго терпения ему не хватило.

– Ты разве не знала, что в Верфидо обитают сумасшедшие?

– Нет.

– Разве не надо было сначала всё узнать, а потом уже идти в гушу событий?

– Нет! – прикрикнула Медея.

– Мне казалось, дела должны строиться чуть иначе. Ну ладно.

– О Сущий, прошу, пусть он заткнётся! – взмолилась Медея. – Я не выдержу этого... Не выдержу!

– Я всего лишь хочу понять, что происходит. Почему мы идём именно сюда? Что тут хранится? И если ты не в курсе всех событий, то где гарантии, что твой секрет не потерялся? Вдруг его уже украли?

– Тебя не должно это касаться! Теперь достаточно понятно?

Сокол недовольно поморщился, но без желания согласился и потопал уже в долгожданной для Медеи тишине.

Учитывая, что многие вопросы остались до сих пор без ответов, наёмник решил узнать подробности позже, когда, например, Медея будет в настроении. У неё вообще бывает хорошее настроение? Когда-нибудь точно будет, и именно в этот долгожданный момент тайное станет явным!

Если бы Сокол захотел, он бы ехидно рассмеялся от своей коварности.

Юрко перепрыгнув через низкую калитку, поставленную явно ради красоты, Медея подошла к двери. Она потрогала её, а затем заглянула в окно, оказавшееся, к несчастью, зашторенным. Ругнувшись, Медея вернулась к двери и достала небольшой мешочек.

– Ты не думаешь, что в доме кто-то до сих пор живёт?

– Думать уже поздно, – ответила она и вытащила отмычки, после чего прислонила их к замку. – И даже если кто-то там есть, ты будешь исполнять свою роль: отвлекать.

– То есть я приманка?

– Пожалуй, это единственное слово, которое так чётко описывает твою роль.

– Как здорово, – без энтузиазма произнёс Сокол. – Наёмнику, к слову, надо всегда вываливать всю имеющуюся информацию. Иначе потом он прирежет своего заказчика.

– Серьёзно? – удивлённо уточнила Медея, продолжая упорно крутить отмычки. – Никогда не слышала.

– Осведомлённость людей сделала бы их куда осмотрительнее.

– Мило. Но ты же не убиваешь, нет? Впрочем, судя по тебе... – Она намекала на неопрятную тёмно-русую бороду спутника. – Ты точно повидал все ужасы мира.

Сокол неоднозначно покосился на девушку, а после отвернулся и тоскливо глянул на небо, где очень быстро собирались тучи. О недавнем солнце, освещавшем дорогу, больше не могло идти и речи.

– Темнеет. Мне не нравится. – Он снова обратил внимание на Медею. – Ты чего так долго возишься?

– Чтоб тебя! – она заворчала, когда очередная отмычка предательски сломалась. – Эта груда металлолома не поддаётся.

– О, да не шути! Все замки поддаются. Ты просто не умеешь взламывать. Дай мне.

– Как же я забыла про твои невероятно богатые таланты! – Она с чувством покивала. – Ты же у нас всё умеешь!

– Прекрати паясничать.

– Что ты, о, Великий! Может, ты замаскированный нивр? Или нет, постой! Вдруг ты само воплощение Сущего?

– Дай мне свои отмычки, – процедил сквозь зубы Сокол, – и отойди назад. Желательно, так далеко, чтобы я тебя больше никогда не видел.

– Слушаюсь и повинуюсь, о, Великий!

Медея небрежно передала спутнику отмычки, а сама села на ступеньки и принялась бесцельно ковырять землю. Она не верила, что этот пьяница сможет сделать хоть что-то путное. Но не прошло и пары секунд, как послышался заветный щелчок, а следом – противный скрип двери.

Подскочив, Медея изумлённо уставилась на вход.

– Какого... как... почему...

– Ловкость рук. – Сокол издевательски поклонился. – Дамы вперёд.

Медея, сжав пальцы в кулак, гордо выпрямилась и вошла в дом. Она терялась в догадках, почему у этого нахала получилось добиться необходимого успеха, а у неё нет, но она не сомневалась, что если бы не её усилия, то Сокол и подавно бы ничего не открыл. Наверное, если бы она посидела подольше, то смогла бы сама благополучно расправиться с преградой.

В любом случае будь оно всё проклято!

Тяжело вздохнув, Медея отринула эмоции и принялась изучать интерьер, чтобы найти хотя бы какие-то опознавательные знаки того, что ей нужно.

Сокол, не оставаясь в стороне, последовал за девушкой. Он добрался до стола, присел на корточки и потрогал увядшие цветы, посыпавшиеся на твёрдую поверхность.

– Как гостеприимно...

– Разделимся.

– Воу, постой. – Наёмник посмеялся. – Ты осознаёшь, что предлагаешь? Мы в чужом доме, одумайся. Нам в принципе нельзя разделяться.

– Здесь никого нет, иначе бы нас уже поймали. В одиночку я смогу сосредоточиться и быстрее найти то, что мне нужно.

Сокол, продолжая с полным недоумением глазеть на спутницу, поднял руки и завёл их за голову.

– В чём проблема рассказать мне детали? Или ты считаешь, что я после твоей откровенности возьму и предам тебя? Ты меня за кретина держишь?

– Неужели ты смекнул? – съязвила Медея. – Да, представь себе. А теперь хватит тратить время. Оно нам ещё понадобится.

Сокол закатил глаза и со злостью плюхнулся на диван.

– Давай, вали. Ищи свою фиговину. А я, как верный слуга, подожду тебя.

– Отлично.

– Замечательно, – бросил Сокол.

Прежде чем закрыть дверь, через щель пускавшую свет, Медея поискала на кухне что-то похожее на спички. Свечи, к своему счастью, она отыскала сразу, а вот со спичками возникли огромные проблемы. Она порыскала во всех шкафчиках, но в итоге не обнаружила ничего подходящего. Психанув, Медея вернулась к вальяжно развалившемуся Соколу.

– У тебя есть спички?

– Спички? – Сокол прикинулся задумчивым. – Даже не знаю, что это.

– Ты не видишь, как темнеет? Нам нужно срочно добыть огонь.

– Можешь взять камни на улице. Или веточки... Как там люди раньше огонь добывали?

– Сущий тебя дери, живо дай мне свои проклятые спички, иначе я тебе точно что-то сломаю! – угрожающе выкрикнула Медея, после чего осеклась, потёрла переносицу и более спокойным тоном продолжила: – Пожалуйста. Мне это важно.

– Оказывается, ты умеешь быть такой вежливой. – Сокол, подмигнув ей и порывав в своей маленькой походной сумке, достал оттуда потрёпанный коробок и передал его Медее. – Всегда пожалуйста.

Не ответив, она в считанные секунды дошла до кухонного стола и зажгла пару фитилей. Больше было рискованно, а ей не хотелось подвергать себя дополнительной опасности.

Закрыв дверь и поставив подсвечник со свечой рядом с Соколом, Медее принялась обследовать первый этаж, представлявший из себя гостиную, кухню и, по сути, всё. Ожидаемо не найдя ничего ценного, кроме дорогого кухонного сервиза, девушка поднялась на второй этаж.

Скрип половиц прекратился, и тишина начала медленно, но верно угнетать. Сокол несколько минут понаблюдал за странно колышущимся огнём, а затем поднялся и слегка приоткрыл шторку. Сквозняка не было, как и света. Наступила крошечная тьма, словно внезапно явилась не просто ночь, а что-то куда более сверхъестественное.

Подозрительно. Сейчас же только день.

Он, не отрывая взгляда от того, как вёл себя огонь, подобрал свечу. Пламя клонило в сторону окна, и Сокол аккуратно потащился в противоположном направлении.

Крепко держа подсвечник, он потрогал шкаф, плотно прилежавший к стене. Не заметив ничего интересного, Сокол начал выбрасывать книги. Из-за поднимающейся в воздух пыли он закашлял, а от устроенного шума, как ребёнок, хихикнул. Если Медее спустится, то она определённо убьёт своего нерадивого спутника.

Последив ещё немного за свечой, Сокол заключил, что дела здесь обстояли не так просто, как могло показаться ранее. Должно быть какое-то решение этой наверняка несложной головоломки, совсем ничего из себя не представлявшей. Он не мог быть настолько глупым, чтобы не разобраться с ней.

Собравшись с мыслями, Сокол представил себе одну ситуацию. Если бы он стал богатым человеком со своими тайнами, которые он бы пытался как можно тщательнее спрятать, то где бы находилась разгадка? На видном месте, верно. На полках, например. Или в книгах. Но в данном случае это не прокатило, поэтому...

Обернувшись к маленькому дракону на постаменте, Сокол, шкодливо улыбнувшись, повернул острую морду вбок, и каменные крылья зашевелились, а деревянный шкаф сдвинулся влево.

Гениально!

– Богатые люди такие предсказуемые, – вслух сказал Сокол, невольно испугавшись своего голоса. – Орёл бы мной гордился.

Несколько раз поморгав, он двинулся в открывшийся проход.

Это была очередная лестница, ведущая в черноту. Лишь свеча освещала его путь, правда, даже она не давала достаточного количества света, чтобы наёмник смог увидеть то, что поджидало его внизу.

Сокол, невзирая на все усилия держать себя в руках, испытывал страх. Тишина и темнота, приправленные гадкой неизвестностью, вызвали в нём непередаваемое, жгучее и мерзкое чувство, усиливавшееся с каждым шагом.

Неожиданно он возненавидел этот дом, как и самого себя – за излишнее любопытство, снова принёсшее проблемы. Его не должно волновать, что не так с огнём и этим домом. Наёмнику требовалось ждать Медее, как та наказала, и никуда не высовываться.

Сокола внезапно охватила дрожь, а ноги начали против воли сгибаться. Весь мир постепенно терял свои краски, и всё плыло перед глазами. Живот сильно скрутило.

Прислонившись к прохладной стене, наёмник лишь чудом не выронил подсвечник. Сокол, выравнивая дыхание, пытался не покатиться кубарем с лестницы, однако делал только хуже.

Он задыхался.

Внизу, во мраке, кто-то завопил. Сокол рвано выдохнул, когда как по спине пробежали мурашки. Новая волна страха появилась в виде кома в горле, и наёмнику с большим трудом удалось проглотить его.

Новый крик был тише и жалобнее. Сокол испуганно посмотрел вниз, а потом наверх, где царила такая же чернота. Ему потребовалось ещё время, чтобы решиться на совершенно безрассудный поступок и отправиться туда, где недавно раздавались звуки. В нём теплилась надежда, что это не монстр, ждущий возможности напасть на наивного путника, а кто-то более безобидный.

Наконец-то спустившись после, казалось, нескончаемой лестницы на ровную поверхность, Соколу пришлось вновь себя успокаивать. Он пережил немало приключений, но задания, через которые он проходил с Орлом и командой, были не такими, как этот таинственный подвал, откуда доносились крики. Конечно, их миссии представляли опасность, однако она исходила в основном от разъярённых заказчиков, вполне вероятно, на старости лет сходявших с ума. Да, они лазили по заброшенным постройкам, встречались с хищниками, только это – ещё цветочки.

К тому же рядом всегда присутствовал Орёл, умеющий взбодрить и успокоить.

А сейчас Сокол совсем один.

– Эй? З-здесь кт-то-то есть?

Наёмник встрепенулся и опасливо повернулся на голос, звучащий вблизи крайне необычно: существо сильно заикалось, из-за чего его речь представлялась трудной для понимания.

– Здесь есть я, – вымолвил Сокол первое, что пришло на ум.

– Ох, к-как х-хорошо! – Существо закопошилось. – Ум-моляю, ум-моляю на к-колених, спасите меня, п-прошу! Я... Я... Я не знаю, гд-де н-нахожусь, но меня пыт-тали! П-пытали, о, меня пыт-тали!

Оно надрывно зарыдало, отчего сердце Сокола невольно сжалось. Он, протянув руку вперёд, прищурился и увидел отблеск металла.

– П-прошу вас, во имя вс-сего, с-спасите меня, умоляю! Я не остан-нусь в д-долгу, клянусь. Я с-сделаю всё, ч-что только п-попросите, т-только с-спасите!

Подойдя ещё ближе, Сокол заметил прутья, а за ними – валявшийся в самом углу скелет, привязанный цепями к рельефной каменной стене.

– Боу!

– Ч-что вы ув-видели? П-пожалуйста, не м-молчите, п-прошу, скажите хоть ч-что-нибудь! Вы м-меня спасёте?

– Что тут происходило? – Сокол посветил в следующую камеру, и на этот раз там лежало истерзанное тело с торчавшими наружу и изрядно подгнившими внутренностями, где уже поселились опарыши. – Гадость!

– Нас мор-рили гол-лодом! Г-голодом! Н-над н-нами став-вили экспер-римен-нты... О-о... Суций, пр-рошу, помогите мне, я не х-хочу ум-мирать!

Сокол, настойчиво избавляясь от волнительных мыслей, с сумасшедшим сердцебиением подкрался к очередной камере. Он поднял повыше свечу и увидел к своему удивлению...

– Оуви!

Птицеподобное коричневое существо зажмурилось. У него была крупная круглая голова, покрытая перьями, а лицо – в форме сердечка и намного светлее, чем остальное туловище. Его пушистая грудка с белым пятном посередине от страха быстро вздымалась, и оуви, боясь схлопотать, прикрыл макушку руками, на пальцах которых красовались поломанные чёрные ногти.

– Никогда бы не подумал, что... – Сокол ругнулся и судорожно начал искать отмычки в сумке. – Ладно, плевать. Кто тебя поймал?

– Это был ч-человек! – дрожащим голосом отозвался худой оуви, уже найдя в себе смелость понаблюдать за действиями Сокола. – Но я не уверен... Он т-такой... т-такой страшный! Он в-выглядел как человек, но его с-способности... не м-могли быть ч-человеческими...

– О чём ты?

– Он об-блада м-магией!

Сокол поперхнулся и с недоумением уставился на существо, смотревшее на него своими большими янтарными глазами.

– Магией?

– Д-да, о, я к-клянусь в-вам!

– И...

– Я з-знаю, вы не в-верите мне, но, пож-жалуйста, д-давайте отлож-жим все воп-просы на п-потом. Я боюсь, он в-вернётся... Я не хочу... Не х-хочу!

– Да, конечно, – задумчиво проговорил Сокол. – Дай мне немного времени.

Поставив подсвечник неподалёку от себя, Сокол отыскал отмычки и приложил острые металлические концы к замку на прутьях. Сначала он не поддавался, и паника с каждой неудачей стремительно возрастала. Ко всему прочему, сам оуви проявлял сильное беспокойство, из-за чего Сокол с трудом мог сосредоточиться на насущном. Но после пары грубых просьб заткнуться оуви умолк, и наёмник с горем пополам и благодаря какому-то чуду свыше открыл раздражающий замок, заставивший его изрядно понервничать.

– Спасибо вам, м-мой с-спаситель, с-спасибо, с-спасиб-бо!

Вышедший на свободу небольшой оуви, ростом где-то по пояс взрослому человеку, с радостным звуком прыгнул на ошарашенного Сокола и обхватил его за шею. Крылья существа за спиной на секунду с трепетом раскрылись, а потом сразу же сложились. Бывший узник уткнулся своим длинным клювом-носом в щеку человека и ещё сильнее обнял его, как можно ярче выражая свою бесценную благодарность.

– Ну же, прекрати, пернатое ты недоразумение! Не до этого!

– П-прошу меня п-простить, мой с-спаситель! Я... Я не х-хотел вам доставлять н-неудобства!

– Нам надо выбираться отсюда. Срочно. Если ты прав, у нас могут возникнуть серьёзные проблемы.

– А вдруг м-мы не успеем? А в-вдруг на н-нас нападут! Я с-совсем не умею д-драться!

– Давай будем надеяться на более благоприятный исход?

Существо кивнуло и протянуло свою руку Соколу. Тот, скептически оглядев его, обречённо выдохнул и крепко взял оуви, из-за чего тот заурчал, а его длинные опущенные уши, выражая удовольствие, поднялись.

– Наверху должна быть моя знакомая. Если она не нашла необходимый предмет, то мы помогаем ей и валим отсюда.

– Х-хорошо! Я сд-делаю всё, что б-будет в моих с-силах.

– Молодец. Такой настрой мне больше нравится.

Сокол потянул за собой оуви, и существо, не смея возражать, послушно последовало за своим спасителем по длинной лестнице.

Податливость оуви была известна всему Солфасу. Их покорность объяснялась врождённым страхом перед другими расами, обладавшими куда большей силой, чем бедные птицеподобные создания, умеющие лишь добывать себе насекомых из деревьев и выращивать зерно для пропитания. Из-за слабости оуви часто брали в рабство, и те с завидным смирением служили своим хозяевам.

Соколу не особо нравились существа, которые не умели сопротивляться. Как бы печальна не была участь, нужно всегда сражаться с обидчиками, а не исполнять их приказы.

Сокол считал: важно оставаться гордым до конца. Однако где были его возвышенные убеждения, когда он напивался в стельку в захудалой таверне? Точно не с ним.

Лестница, будучи не совсем прямой, резко заворачивала, и когда наёмник и оуви тоже завернули, то в глаза сразу ударил резкий свет.

– Мой с-спаситель, мы п-почти д-добрались!

– Я не уверен в этом. – Сокол, не предчувствуя ничего хорошего, насторожился. – Мне это не нравится.

– А вдруг это в-ваша подруга н-нас охраняет?

– Свет идёт не от свечи. Он будто... дневной!

– Я так д-давно не видел д-дневной свет! – воскликнул оуви. – Н-неужели я н-наконец-то увижу солнце?.. Я увижу с-солнце!

– Тише, замолчи! – шикнул Сокол, сбавляя шаг. – Это засада.

– О нет, он в-вернулся! О Сущ-щий, меня т-точно проклинали, я т-такой неудачн-ик. Я ужасный, плох-хой! Я так р-раска-аиваюсь!

– Замолчи и возьми свечу.

Оуви, пугливо прищурившись, помотал головой.

– Я н-не могу, м-мой спаситель, не м-могу! Я б-боюсь...

– Да чтоб вас всех... Если я прав и там действительно западня, то ты не будешь совершать резких движений, понял меня? Иначе они сразу убьют тебя.

Оуви издал жалкий писк, и Сокол, фыркнув, крепко сжал ладонь существа и мысленно пообещал себе, что всё будет хорошо. Он, в конце концов, справится даже с драконом, если тот будет в той убогой комнате.

В этот раз он точно всех спасёт.

С каждым шагом, приближавшим его к выходу, свет становился ярче, пока в один момент он не начал слепить. Выбросив уже бесполезный подсвечник с потухшей свечой, Сокол в качестве опоры стал использовать стену. Он надеялся, что оуви додумался зажмуриться и сейчас не страдал из-за собственной глупости. Наёмнику и без того хватало проблем, чтобы ещё дополнительно заниматься ослепшей недоптицей.

Когда Сокол почувствовал под ногами ровную поверхность, он тут же открыл глаза, однако оценить обстановку у него не вышло: зрение размывалось. Ему требовалось время, чтобы сфокусироваться, и эту возможность ему не предоставили.

Сначала наёмник услышал крик, больше похожий на плаксивые мольбы не убивать. Оуви оттащили от него и, по всей видимости, вырубил, потому что писки резко прекратились. Потом Сокол ощутил сильную боль в голени и сразу же – в области живота. Он, согнувшись пополам, повалился на пол, и его моментально перехватили и небрежно куда-то понесли.

– Нет! Хватит! Хватит! Что ты творишь?!

– Учю твоего дружка простейшим манерам, моя дорогая. Воровать, между прочим, очень некультурно. Это также относится и к тебе.

– Ты монстр! Я освобожусь и перережу тебе глотку, ты слышишь меня?!

Сокол заметил впереди нечёткие фигуры. Он попытался выдавить хотя бы звук, но невыносимая пульсация в висках помутила рассудок, и вместо света пришла пугающая тьма.

В голове был гул. Сокол, желая дотронуться до горячего лба, вяло пошевелил руками, и неожиданная преграда в виде крепких верёвок свела на нет его усилия.

– ...они страдают.

Сокол выдохнул воздух через нос и открыл глаза. Мигом прищурившись, он, окончательно придя в себя, смог понять, где находился.

Тот же дом. Те же комнаты.

Только в этот раз на диване сидел не он.

– Поразительно. Твой приятель уже очнулся. Какая прелесть.

– Не втягивай его! – взмолилась Медея. – Он не виноват!

– Ну ты что, – сказал мужчина в чёрном одеянии с беспокойством, бывшим определённо липовым. – Нечестно обделять вниманием гостей.

Слева от Сокола жался дрожащий оуви, выглядевший при свете ещё более плачевно: весь костлявый, с ободранными перьями и в крови. А справа наёмник заметил Медею с разодранной губой и красной опухшей щекой. Было страшно подумать, что её, прежде чем заломить, обо что-то ощутимо приложили.

– Не надо... пожалуйста...

– К тому же, – мужчина проигнорировал её, – твой знакомый привёл к нам моего старого друга. Как же мне не встречать всех с распростёртыми объятиями?

– Я не знаю, что ты задумал, но я выберусь и...

– Ты повторяешься. – Человек небрежно вскинул руку, и Медея тут же вскрикнула, когда её ударили в спину. – Если ты из рода Лиднер и моя дочь, то это не значит, что я буду терпеть твои выходки.

Только сейчас до Сокола дошло, что вокруг них собрались жители Верфидо, которые ныне покорно стояли рядом и выполняли, вероятно, любые приказы мужчины, восседавшего на диване, как на троне.

От такой ассоциации стало мерзко во рту. Хотя, наверное, это всего лишь вкус собственной крови.

– Медея! – беспомощно позвал её Сокол.

– Прекрасно. Твой друг умеет разговаривать. Уже интересно. – Мужчина подался чуть вперёд. – Ну-с, о чём поведаешь? Не хочешь ли случайно рассказать, какого духа ты делал в моём доме и хозяйничал здесь? А ещё вот эта вещь. – Он неторопливо достал перо, хранившееся в сумке Сокола. – Откуда оно у тебя, грязное ты отродье? Ты вообще осознаешь, что у тебя в руках? Это ты убил Альбо?!

Сокол с презрением плюнул и испачкал кровью ковёр из шкуры необычного зверя.

– Я осознаю лишь, что сделаю из твоей безмозглой головы приманку для хищников, – с ненавистью процедил он. – Вот тогда это будет настоящая потеха.

На лице мужчины на секунду отразилась ярость, но он быстро нацепил на себя псевдодружелюбную маску.

– Да уж, по-хорошему никак. Как с вами утомительно, герои-недоучки.

Человек щёлкнул пальцами, и новые, до невозможности тошнотворные ощущения пронзили Сокола насквозь. Он, стараясь не издать ни звука, прикусил губу. Ему не хотелось, чтобы кто-то упивался его страданиями.

– Отец, пожалуйста... – прошептала Медея.

– Я столько раз тебя прощал, а ты? Ты ни разу не послушала меня, – тоскливо произнёс он. – Увы, за всё надо платить, моя дорогая. Ты разве не помнишь мои уроки? Хотя о чём это я! По сравнению со своей сестрой ты всегда была безрассудной девчонкой. – Мужчина цокнул языком. – Убейте этого человека. И того бесхребетного оуви тоже. Не думаю, что от него теперь будет польза.

– Нет! Нет, пожалуйста! Я виновата! Я! Так накажи меня, а не их. Я буду вести себя так, как ты пожелаешь!

– Но, но, но. – Мужчина улыбнулся. – За всё. Надо. Платить. Твоя плата в этот раз: две жизни, которые так милосердно отдадут наши гости. Любуйся шоу, моя дорогая!

Один человек, стоя позади, крепко схватил Сокола за шею, а второй, сбоку, замахнулся топором и нацелился на макушку.

– Не очень люблю решать дело путём пускания крови, но что поделать. Давай!

– Нет! – закричала Медея, изо всех сил вырываясь из пут. – Нет! Нет! Сокол!

Наёмник, резко наклонившись вперёд, поволок за собой человека, державшего его, и лезвие, с противным звуком вошедшее в нежную плоть, беспощадно разорвало ткани.

Он с трудом выдохнул, когда упал на пол и ощутил тяжесть на своей спине. Попытавшись скинуть тело, Сокол перевернулся и с ужасом лицезрел, как мужчина безжизненно, с приподнятым плечом, пялился на него и на своего товарища, из чьей шеи торчал его топор, предназначенный для пленника.

Сокол нервно отполз от трупа и постарался выпутаться из веревок именно тем методом, которым его когда-то обучил Орёл. К его радости, у него почти это получилось.

– Да уж, дело приобретает куда более серьёзный поворот событий, – прокомментировал отец Медеи и встал с места. – Убейте его. Живо.

– Нет, не надо! Прекрати это! Прощу тебя!

Находившиеся в помещении люди разом набросились на Сокола. В их руках не наблюдалось никаких опасных предметов, и всё же они брали числом. Противники могли повалить его и разодрать ногтями и зубами.

Сокол, чуть не лишившись всех пальцев, наконец-то освободился. Он достал из специальной подкладки в обуви маленький кинжал и перерезал глотку первому нападавшему, а следом – второму. Он сделал несколько быстрых перекатов, поднялся и вонзил лезвие в грудь очередному несчастному, решившему из-за отсутствия собственного мышления идти на таран.

Наёмника, успешно отбивавшегося от врагов, схватил мускулистый мужчина, появившийся буквально из ниоткуда, и Соколу пришлось приложить все силы, чтобы вырваться и убить его. Он не успел отскочить, как его сразу поймали две подкравшиеся сзади женщины: за ноги и за руки. Теперь к ним присоединились другие люди, и кинжал, ставший недавно его заветным спасением, полетел в сторону.

– Сокол!

– Вот так и подышают безрассудные остолопы. – Мужчина трагически вздохнул и грубо взял Медею за запястье. – Ничего не поделать. Идиоты умирают первыми.

– Это ты идиот! Ненавижу тебя, ненавижу! Ты не можешь так поступить!

– Ты не только глупая, а ещё и слепая. Жаль.

Мужчина залепил девушке пощёчину, и та, ненадолго успокоившись, закричала ещё сильнее. Она не стеснялась проклинать своего отца и желать ему всевозможных мучений.

– Медея...

Сокол попытался до неё дотянуться, но она была так далеко!

Новая вспышка боли пронеслась по всему телу. Люди, давно потеряв человечность, давили на него, дёргали, кусали. Они пытались выколоть ему глаза, вырвать язык, волосы. Они хотели вкусить его плоть, стереть с лица земли. Убить.

Сокол, не намереваясь сдаваться, брыкался, только толпа наседала на него, и каждое его усилие оказывалось всё бессмысленнее и бессмысленнее.

Было горько осознавать, что он подвёл и Медею, и спасённого оуви. Сокол называл себя неудачником, слишком ничтожным и жалким для этого несправедливого мира. Он знал, что являлся убийцей. Чудовищем, лишившим жизни своего наставника и друзей, ставших ему семьёй.

Сокол заслуживал смерть. Но бедный оуви и Медея? Нет. По крайней мере, не так. Не здесь и не сейчас! Он должен был что-то предпринять, хоть что-то...

Твоя жалость к себе унижительна. Эти добрые порывы, которые на самом деле представляют из себя обыкновенную ложь? Как милосердно. Пора с этим заканчивать.

Сокол закричал. Истошно, нечеловечески. Его тело приобрело нереальную силу; она рывала наёмника на маленькие кусочки, пока все нервные окончания буквально молили о том, чтобы эта чудовищная пытка скорее прекратилась.

Только она не останавливалась, а лишь усиливалась, доводя до обморочного состояния. В его плоть будто вонзились миллион острых иголок, и Сокол, будучи на грани сознания, почувствовал, как по щекам потекло что-то тёплое, обжигающее.

Произошла тёмно-фиолетовая вспышка, окутавшая всё пространство. А потом, словно по одному щелчку пальцев, она, вернувшись обратно, стрелой вонзилась в тело Сокола.

Люди, навалившиеся на него, как противные насекомые, замертво, с гадким шлёпаньем, упали на спины. В судорогах они испепелялись под невиданной мощью.

А мужчина, державший Медею, неожиданно, на глазах у девушки, начал постепенно иссыхать. Он хрипло завыл, как поверженный монстр, не имеющий разума, пока от него не остался один серый прах.

Сокол закричал – и на этот раз от невыносимого осознания, что *это повторилось вновь*.

II. Трое входят в город

В груди появилось жжение, заставившее его застонать и открыть глаза. Вместо комнаты того проклятого дома, где он прежде находился, Сокол увидел... пустоту. Кругом – лишь белый свет, такой неестественный и совсем несвойственный для реального мира.

Неужели он... погиб?

Боль, прежде донимавшая его, отошла. Сокол почувствовал небывалую лёгкость, вызвавшую в нём неясные, но почему-то радостные эмоции.

Он не знал, лежал ли сейчас или всё же стоял – гравитации в этом мире, насколько ему удавалось судить, не существовало, – однако Сокол сделал шаг и оказался на твёрдой, вполне материальной поверхности.

Значит, он всё же стоял.

Сокол прошёл ещё немного, прежде чем обернулся. Наёмник, надеясь заметить хоть какое-то изменение в пространстве, ощутил горечь разочарования, когда осознал, что не произошло ровным счётом ничего. Всё оставалось по-прежнему раздражающе белым, ненормальным и невозможным.

– Дерьмо...

Сокол, закусив губу, похлопал себя по карманам – в них не нашлось ни одной полезной вещи, которая могла бы ему помочь. Он был практически беззащитен против опасности, если она, конечно, собиралась его здесь настигнуть.

Куда же наёмник угодил? И что ему теперь делать?

Будучи совершенно растерянным и морально убитым, Сокол, осторожно передвигаясь, совсем не хотел подышать в забытом самим Сущим месте. В этот раз он не желал пускать всё на самотёк, чтобы кто-то, а не он сам распоряжался своей судьбой. Сокол должен вернуться обратно, сделать всё от него зависящее для... А для чего? В прошлый раз его поступки не привели ни к чему хорошему. И какой, интересно, толк возвращаться в суровую реальность, где его наверняка поджидал новый ужас?

Он чем-то болел. Сокол не имел ни малейшего представления, как это объяснить, только с его телом творилось что-то не то. Оно предавало его, не подчинялось и только мешало, издеваясь изощрёнными способами над своим хозяином и подбрасывая ему ещё больше испытаний на выдержку.

Сокол подумал о проклятии: что на той ненавистой книге стояли ниврийские печати, разрушенные из-за его неуёмного любопытства. Он решил, что страдания, выпавшие на его долю после храма, – это длинная пытка, в конце которой его поджидала ещё более мучительная кончина.

Сокол поёжился от жутких мыслей.

Когда смерть оказалась так близко, он понял, что совсем к ней не готов.

Людская плоть всегда являлась податливым материалом, как и людское, скотское сознание.

Сокол судорожно развернулся в сторону, откуда раздавался глубокий, спокойный голос, сквозивший превосходством над всеми живыми существами. Куда бы наёмник не поворачивался, он слышал его везде. Всё место казалось одним голосом – таким опасным и одновременно с этим – манящим.

Напрасно надеяться, что вы, смертные, когда-нибудь изменитесь. Ваши низменные инстинкты вызывают презрение.

– Я не боюсь тебя! Уяснил?! Не боюсь!

Голос низко рассмеялся, и этот смех пробирался в мозг, в каждую извилину. Он пульсировал и усиливался, вызывая животную панику.

Ах, конечно же. Как я мог забыть про этот досадный момент. Жалкие людишки всегда думают, что их бесполезной жизни угрожают. Но они никогда не поймут, что никому не нужны.

– Если ты... – Сокол, стараясь сосредоточиться, отрывисто задышал. – Если ты планировал меня напугать, то спешу огорчить. Твои возвышенные речи не напугают даже годовалого ребёнка, урод!

Что-то медленно оплетало Сокола. Сначала ноги, а потом – тело. Он предпринял попытку вырваться из невидимых пут, правда, резкий захват шеи поумерил пыл. Что-то, не жалея сил, беспощадно сдавливало горло и перекрывало ему необходимый кислород. Перед глазами Сокола поплыли круги, и он, без всякой возможности пошевелиться, захрипел.

Белый свет приобрёл опасный ярко-красный оттенок. Он предупреждал, но Соколу, находившемуся на последнем издыхании, совсем не было до этого дела.

Ты не имеешь права так бестактно разговаривать со мной, жалкое недоразвитое животное. Единственное твоё право – это внимать и подчиняться. На большее ты просто не годишься.

– П-по... шёл... т-ты...

Послышался оглушающий хруст – это невидимая сила оплела своими щупальцами человеческую руку и сломала её.

Из глаз Сокола брызнули слёзы. Боль – невыносимая – и любой бы потерял от неё сознание. Это была бы сказочная благодать, только Сокол не отключался. Он застрял в этом кошмаре без шанса из него выбраться.

Я неоднократно убеждаюсь в том, что люди не понимают цивилизованной речи. Впрочем, на что я вообще надеюсь, если вы молитесь своему Сущему?

Шею перестало сдавливать, однако боль от сломанной руки так и не прошла. Сокол, глубоко наплевав на размышления голоса, думал лишь о том, как упасть в обморок и избавиться наконец от гадких ощущений, выворачивающих его наизнанку.

Какая жалость. Я снова перестарался и забыл, насколько вы бываете хрупкими.

Сила исчезла, и Сокол, висевший в воздухе, с грохотом повалился на твёрдую поверхность. Он, с трудом перевернувшись на спину, закашлялся и выплюнул кровь.

Твоя беспомощная оболочка не подходит мне. Это смертное, противное тело, пропахшее потом и алкоголем... Меня бы вырвало, если бы это было возможно.

Сокол, не способный ответить на оскорбление, издал тихий невнятный звук.

Увы, так уж вышло, что я застрял в тебе, бесполезное ты отродье. Мне невыгодна твоя смерть, и я сделаю всё, чтобы не умереть так убого вместе с тобой.

Сокол постарался подняться, но ему не удалось даже моргнуть. Перед его взором возникла фиолетовая, размытая сущность с едва прослеживающимися человеческими очертаниями; с каждым миготом они всё больше деформировались и искажались.

Я великий дух Ахерон, и ты запомнишь моё имя и будешь повторять его как мольбу. Ведь теперь твой Создатель не умерший дракон, а Я.

– Дорогуша, ты как всегда не в настроении?

Вокруг – каменные безликие стены, угнетающие своей однотипностью. Лишь громадный овальный стол с тремя деревянными стульями, обшитыми алым бархатом, да висевшие гобелен и карта добавляли этому замкнутому помещению без окна хоть какое-то скудное разнообразие.

– Если ты ещё раз так ко мне обратишься, то ты будешь целоваться с полом.

Они – среднего телосложения подкаченный мужчина и высокая, худая женщина, – как и другие люди, работающие на *благо* Королевства, пускай и тайно, – находились под землёй, в сердце Ин-Нара – в столице Куллар. В загадочном и скрытом от посторонних глаз месте, куда не сунется никто, кроме тех, кого наделили Даром.

– Я уважаю тебя, дорогу-уша, но тебе придётся ой как постараться, чтобы меня завалить. Хотя, скажу честно, я бы с удовольствием оказался под тобой.

Эта притворная добродушная улыбка раздражала даже больше, чем смысл сказанных слов.

Светловолосая женщина, облачённая в чёрную длинную мантию, с белой маской в руке, грозно нахмурилась и лишь чудом удержалась от желания схватить магией шею мужчины и задушить его. Она бросила на него холодный взгляд, на что тот картинно закатил глаза.

– Не смей называть меня своим типичным ловеласным словечком. Иначе, поверь, тебе не поздоровится, – с презрением прошептала она. – Я не собираюсь терпеть твои убогие выходки, Мавор Адъяр.

– Цирцея Вига.

Невозмутимый голос раздался совсем близко, и Цирцея вместе с Мавором, как по команде, повернулись и встретились с тёмной фигурой Лидера, внушавшей трепет и уважение.

– Вы ведёте себя не как магистры, а как дети, которым дали особые игрушки. – Он прошёл в глубину зала, к столу с разбросанными на нём книгами и заметками, сделанными Цирцеей. – Если вы настолько некомпетентны, то я серьёзно задумаюсь над вашей отставкой. Впрочем, слишком радикально, не так ли? Лучше понизить до адептов.

Самый низший ранг – это послушники, исполняющие смиренную роль принеси-подай и не обладающие Даром. Цирцея и Мавор, будучи магистрами, стоящими на втором месте по важности после Лидера, с лёгкостью могли стать адептами – основной массой организации, но им никогда не светит роль послушников – из-за наличия Дара, сохраняющего остаточное присутствие в человеческом теле даже без подпитки, необходимой для временного пользования магией.

– Это нерационально, и мне даже не надо пояснять тебе, почему – ты сам прекрасно об этом осведомлён. – Цирцея вежливо поклонилась, пользуясь предоставленными благами и не обращаясь к нему на «вы». – Если один твой недалёкий человек прекратит меня провоцировать, то проблем не будет.

– Я тебя развлекаю, о, великолепный цветок!

Цирцея, прищурившись, презрительно глянула на Мавора, а потом, как ни в чём не бывало, вновь перевела всё внимание на Лидера. К сожалению, его лицо скрывали маска и капюшон мантии, поэтому она не могла понять испытываемые им эмоции.

Иногда это очень бесило. Вига не привыкла не видеть ни улыбки, ни глаз – ничего! Она сама следовала этой важной и, бесспорно, нужной конспирации, но её раздражало постоянно смотреть в беспристрастную черноту и гадать, радость ли под ней или печаль.

И если с Мавором всё предельно просто – уж на этом спасибо, – то с Лидером – нет. Цирцея не сомневалась, что она – единственная, кого это заботило. Адъяр и подавно не поднимал эту тему, поскольку его волновала лишь возможность выслужиться, не получив в процессе по шее. С его-то малюсеньким мозгом единственную информацию, какую он мог нормально обрабатывать, так это ту, которая завязана на еде и положении.

Гадость!

Почему он – не проклятый послушник? На худой конец – адепт? Почему являлся магистром? Да ещё рядом с ней!

– Есть ли успехи касательно поиска артефакта? – уточнил Лидер.

– Да, мы нашли коготь Малахонда¹ и... – начала Цирцея, и её перебили.

– Мне нужно перо ниффина, а не коготь Малахонда, – спокойно указал Лидер и положил руки на стол. – Прошёл год, и на протяжении этого времени вы постоянно говорите мне одинаковые, ничего не значащие фразы. Мне надоело ждать, пока вы оклемаетесь.

– Конечно, но...

– Вечно есть какие-то «но».

– Мы ищем по всему Королевству, – упорно продолжила Цирцея и подошла к висевшей на каменной стене крупной карте. – Но мы не знаем, где утерянный артефакт. Мы потеряли связь и с Альбо, и с наёмниками.

¹ Небольшой пятиглазый фиолетово-чёрный монстр на двух ногах и с маленькими руками, которого когда-то породили духи. Ныне считается вымершим видом. При определённом ритуале любую часть его тела можно преобразовать в амулет, сводящий с ума своего владельца.

– Мавор, – позвал его Лидер.

– Да?..

– Ты занимался поисками людей. Ты обещал, что им можно верить. Почему же вышло так, что и наш адепт, и они бесследно исчезли?

– Я понятия не имею, – беззаботно ответил Мавор и пятернёй пригладил отросшие коричневые волосы. – Я лично знал их командира. Он бы ни за что не кинул и не убил заказчика ради, духи подери, своей выгоды. Он хороший человек.

– Ага. – Цирцея фыркнула. – Очень хороший.

– Ты заблуждаешься, – с укором произнёс Мавор. – Он служил в городской страже в Кулларе, пока с ним не произошла трагедия. Он не какой-то наёмник, берущийся за дела чисто ради денег. У него есть честь.

– Что ж. – Лидер завёл руки за спину. – В таком случае есть смысл повторить то, что мы имеем.

– Каждую неделю одно и то же... – Цирцея безнадёжно выдохнула и положила палец на небольшую возвышенность, изображённую на карте. – Мы откинули варианты с врагами и ниврами. Альбо трус и идиот, но ему нужно было просто следить за тем, чтобы люди зашли и вышли, поэтому он бы справился с этой простейшей задачей. Сами наёмники, учитывая их безмозглость, навряд ли поняли, что за артефакт перед ними. Как Мавор сказал, их командир не согласился бы параллельно на вторую сделку с теми же ниврами.

– Ага. – Адъяр кивнул. – Я тоже ходил туда после всей этой драмы. Преграды, как в первый раз, больше не было. Значит, сила, покоившаяся в храме, вырвалась. Или уничтожилась сама по себе. Какой вам вариант по душе? Мне лично второй.

– Пепел, притащенный тобой, принадлежал людям. Аура... Энергетика, исходившая от него... какая-то чужая... Она несла смерть. Я никогда её не забуду. – Цирцея поёжилась. – Я не уверена, но я действительно думаю, что существо... или монстр... или ещё что-то – неважно, сейчас вполне спокойно гуляет по Солфасу. Не может быть так, чтобы массово погибли люди и при этом не разрушился храм.

Лидер медленно кивнул и тихо хмыкнул.

– Здесь что-то нечисто, – отметила Цирцея. – Вдруг это потенциальная угроза населению?

– Вы не в силах найти перо, которое по-прежнему почему-то считается утерянным. – Лидер, изучая собственную чёрную перчатку, издал смешок. – Если это всё же угроза, то как ты с ней справишься?

Цирцею задело это замечание.

– Я...

– Да. Ты. – Лидер небрежно махнул рукой. – Достаточно.

– Конечно. – Она покорно прижала к груди ладонь, слегка поклонившись.

– Ведьма вернулась в свой родной дом. – Лидер встал напротив Виги и обвёл пальцем на карте небольшую тёмно-зелёную площадь, прозванную Болотом. – Это старая и злая женщина, похитившая немало младенцев. У неё есть одна могущественная вещичка, которую она украла когда-то у нивров. Приведите её ко мне. Вы оба.

– Мы можем отправить адептов...

Лидер неторопливо повернул голову к вякнувшему глупость Мавору, и тот обречённо сглотнул.

– Хотя мы можем отправиться и сами, да, Цирцея?

– Мы всё сделаем. – Она снова поклонилась. – Есть ещё какие-то указания?

– Общайте её дом. Там могут вполне найтись другие любопытные артефакты.

– Хорошо.

– Собрание на этом окончено.

Лидер прошёл мимо стола и направился к выходу из унылой совещательной комнаты – в такой же каменный длинный коридор, освещаемый факелами. Когда звук от его шагов стих, Мавор обратился к Виге:

– Почему бы ему самому не пойти туда? Он же всяко нас опытнее.

– Потому что он очень занятой человек. – Она вlepила ему слабую затрещину. – А мы так – пешки. Думай иногда своими мозгами.

– Лапушка, ты как всегда прикладываешь ко мне физическую силу... Меня это обижает!

– Суший, Мавор, не начинай. Лучше заткнись.

– Как же я могу молчать, когда передо мной находится такая серьёзная и недоступная женщина?

Вига, раздражённо закатив глаза, равнодушно обошла мужчину: тратить на него силы было себе дороже. Адъяр специально донимал её, и поэтому самое лучшее для него наказание – это тотальное игнорирование.

– Я не хочу вести с тобой диалог. Ты скучный собеседник.

– Как жестоко! – Мавор скорчил гримасу и прижал ладонь к сердцу, изображая обиду века.

– Пожалуй, ты прав. Это повод стать тебе интереснее, – бросила напоследок Цирцея и тоже пошла к выходу.

Она по привычке засмотрелась на висевший гобелен с изображённым на нём бледно-красным цветком. Он имел необычное, но удивительно красивое название «Цинния», и с ним было связано достаточно событий, чтобы сейчас он стал их символом.

Цирцея сама предложила его. В память о дорогих людях, ушедших из жизни слишком рано.

Сокол очнулся с громким криком. Его голова то пульсировала, то проходила, то вновь пульсировала, вызывая приступ тошноты.

Стояла глубокая ночь, и только яркий костёр освещал пространство вокруг него. Когда он успел его развести?

– Я не буду спрашивать, какого духа... По крайней мере, сейчас, потому что потом ты обязательно мне всё пояснишь! – отозвалась Медея, появившаяся в поле зрения. – А пока... Оуви, неси воду! Живо!

– У меня есть имя, м-мисс... – с обидой пролепетало птицеподобное создание.

– Я сказала – живо!

– Уж-же бегу!

Оуви порылся в сумке, принадлежавшей, вероятно, Медее – так или иначе, она была куда больше и явно не походила на сумку Сокола. Он бы точно узнал свою собственность даже будучи в таком плачевном состоянии.

Когда оуви дал флягу Соколу, тот жадно приложился к горлышку и опустошил её почти до дна.

Стало немного легче.

– Что... Что происходит? – он, вяло спросив, постарался перевернуться на другой бок, в итоге сдался и остался лежать на спине. – Где мы?

На самом деле, его больше всего заботил вопрос, почему они живы, но задавать его так сразу казалось некорректным, поэтому Сокол решил себя приостановить.

– Мы в лесу, идиотина. У меня... У меня не хватит слов, чтобы описать всю палитру эмоций! Я сдерживалась и больше, имей в виду, не буду!

– Мисс, м-моему с-спасителю нужен отдых...

– Я зажарю тебя и даже не постесняюсь испытать удовольствие от этого процесса! – предупредила Медея, негодуя от оуви, защищавшего наёмника. – Не лезь в разговор!

Существо пугливо закрыло лицо руками. Его перья вокруг шеи наострились, словно он поджидал атаку, и Сокол, наблюдая за ним, испытал жалость.

– Не кричи на него. Он имеет право голоса.

Медея, нервно выпустив воздух через нос, схватила Сокола за грудки и потрясла его, надеясь выбить из него весь дух.

Бах!

Неожиданно он ощутил острую боль в руке. Сокол захныкал, и Медее пришлось уgomониться и отпустить наёмника. Невзирая на переполнявшую её злость, она испугалась, что перестаралась.

– Эй? – осторожно позвала она. – Ты в порядке?

В порядке ли ты? Ха-ха! Мертвец и то живее, чем ты.

– Д-да.

Сокол, подавляя в себе рвущийся наружу вопль, сильно зажмурился. Он рассчитывал, что та странная встреча – всего лишь плод его воображения, – что сломанная конечность – это иллюзия. Однако сейчас, чувствуя себя крайне гадко, он осознал – всё произошедшее вполне реально.

– Мой сп-паситель? – жалобно пролепетал оуви, подползая ближе к Соколу. – Что с вами?

– Я в порядке, правда. – Он намеренно не прикасался к руке, чтобы своими неловкими движениями вновь не потревожить её. – Сейчас пройдёт.

– Это как-то связано с тем, что было в Верфидо? – уточнила Медея. – Кто ты вообще?

Кто ты, так называемый Сокол? Убийца? Эгоист? Лицемер? Кто ты, жалкое отродье?!

Сокол махнул головой в попытке избавиться от навязчивого противного голоса, воспринимаемого лишь им. Боль исчезла, и наёмник рискнул немного пошевелить конечностью. Что удивительно – перелома, о котором он сначала подумал, не наблюдалось и в помине.

– Прежде чем вытягивать из меня ответы, сначала разъясни ситуацию.

Медея вспыхнула так же быстро, как фитиль на свече, соприкоснувшийся с пламенем спички.

– Серьёзно? Ты сейчас серьёзно?! – повысила она голос. – Ты превратил в пепел всю, Сущий тебя дери, деревню. Ты убил моего отца и теперь смеешь дерзить мне? А не пойти ли тебе куда подальше с такими требованиями?

– Это б-было очень г-грубо... – проямлил оуви и посмотрел на Сокола. – Мы б-были очень об-беспокоены вашим с-самочувствием, мой с-спаситель. В-вы проспали больше двух с-суток. А ещё вы к-кричали во сне.

– Любой бы кричал после того, что натворил!

– Мне жаль, – чистосердечно признался наёмник. – Но ты тоже могла рассказать всю правду! Зачем мы грабили твоего отца? Род Лиднеров? Ты что, знатного происхождения? И неужели ты ничего не знала о пытках оуви?

– Какая разница, какой у меня род! И да, представляешь, я этого не знала! Я даже не знала, насколько он будет жесток ко мне! К тебе... Ко всем!

Он держал под гипнозом деревню.

– Он держал под гипнозом деревню, – повторил за духом Сокол и тут же осёкся. – Точнее... Э-э-э... Вероятно, это из-за него все жители были не в себе.

– Для этого надо обладать силой! А он, – прошептала Медея, болезненно улыбнувшись, – не способен на это. Может, он и не был идеальным отцом в последние года, но он... обычный человек.

Наивна до отвращения.

– На самом деле, – пробубнил оуви, неловко потеряв локоть, – я в-видел собственными г-глазами, как он использовал м-магию.

– Это невозможно. Люди не... – Медея повернулась к Соколу. – Мой отец совершенно нормальный!

– Я клянусь в-вам. М-мне нет выгоды врать.

– Я понимаю! Я не глупа. Но он моя... моя семья...

Медея, испытывая самые противоречивые эмоции, отвела взгляд в сторону. Она любила отца, того человека, кто дарил ей милые деревянные игрушки, того, кто любил её в ответ и не запирал за непослушание в комнате.

Лиднер любила его, и поэтому не могла поверить, что он превратился в монстра. А теперь ещё и в мертвеца.

Медея задрожала.

– Медея...

Сокол положил ей на плечо руку, и в следующий момент она обняла и прижалась к его груди как к единственному спасению. Сокол испуганно обратился к оуви, явно недоумевающему. Наёмник кивком указал на Медею и вновь взглянул на птицеподобное существо. Тот, неловко пожав плечами, приобнял себя и тоже указал на девушку.

На лице Сокола отразилось искреннее замешательство. На короткий миг он подумал, что и оуви сошёл с ума, а уже потом на него снизошло долгожданное озарение.

Обняв Медею, Сокол столкнулся с новой проблемой: она ещё сильнее прижалась к нему. Ужасно!

Он, стараясь действовать как можно увереннее, неуклюже погладил её по голове и, не зная, что делать дальше, неловко убрал руку.

Лиднер всхлипнула, и Сокол побледнел.

Оуви тем временем открыл и закрыл рот, изображая неясную пантомиму. Он, показав на Медею, повторил свой жест несколько раз, отчего выглядел ещё более безумно, чем секундой ранее.

Сокол, ошеломлённо уставившись на него, протянул тихое «а-а» и выдавил из себя скрмное:

– Я виноват перед тобой. – Оуви активно закивал. – Пожалуйста, Медея, не сердись на меня. Я не хотел заставлять тебя страдать, хоть сначала и планировал, конечно, обворовать...

Послышался хлопок. Это оуви ударил себя по лбу.

– Тебе идёт молчать.

– Да, я тоже так думаю. Никогда не умел успокаивать людей.

Медея отстранилась от него, шустро вытерла лицо – и лишь красные глаза выдавали в ней то, что она плакала. Сокол невольно заметил в этой глупой попытке желание не показывать свою слабость, которая, по всей видимости, доставляла ей моральную боль.

– Итак, – сдержанно начала она, – ты убил всю деревню. И будь я сентиментальной дурой, то обязательно отвела бы тебя в ближайший город и сдала бы страже, а лучше сразу праведникам, но тебе повезло, что я не такая. Поэтому будь предельно честен со мной и ответь мне на нескромный вопрос: что это была за ерунда?

– Я думаю, раненому ещё нужен... небольшой покой, – уклончиво ответил Сокол и невинно улыбнулся.

– Раненый окончательно обнаглел. Оуви, скажи хоть ты!

– У м-меня есть имя... – шёпотом произнёс он, пряча голову.

– Именно! – подтвердил Сокол. – Уважай его права!

– Хватит! – Медея недовольно скрестила руки на груди. – Уважаю или нет – это не имеет никакого значения. Если ты не хочешь, чтобы я перерезала тебе глотку прямо здесь, то ты прекратишь вести себя как ребёнок и станешь наконец взрослым.

– Ты могла бросить меня, а не тащить сюда, в лес. Разве нет? Вы тут, кстати, уютненько устроились. – Чуть наклонившись, Сокол шкодливо ей подмигнул. – Ты могла забыть меня навсегда. А ты этого не сделала.

– У меня есть свой кодекс, и я не бросаю так просто людей. Даже если они являются монстрами.

Какая точная формулировка! Ты – монстр.

– Заткнись! – приказал Сокол.

– Это ты мне? – изумилась Медея. – Ты не попутал ли часом?

– Нет... Нет, я не тебе... О Сущий! – В голове что-то неприятно завибрировало, и Сокол сразу же прислонил пальцы к вискам. – Послушай, я правда не хотел никого трогать. Я даже не в курсе, как так вышло!

– Ты пользовался магией. Ты пользовался, Сущий тебя дери, магией! Это невозможно!

Сомнительное заявление.

Перед глазами проскользнули сумбурные картинки, где с трудом можно было рассмотреть размытый знак и странно одетых людей. Они над чем-то корпели, пока всё не заменилось иными, более быстрыми и непонятными событиями: появились дети, стало больше природы.

Сокол застонал и поднялся на ноги. Он некоторое время изучал свои ладони, а потом повернулся к Медее. Оуви предпочёл тактично не лезть в диалог, наблюдая за разворачивающейся сценой с безопасного расстояния.

– Клянусь, я был самым нормальным наёмником, который, как и все, не делал ничего полезного для всего проклятого мира! А теперь я здесь, и да! Со мной определён что-то не так: какие-то... воспоминания чужих людей... туманные образы... Я... – Сокол, не сдер-

жавшись, повысил голос. – Я думал, вы тоже погибните! Так уже происходило ранее! Однако вы живы, и вы со мной, абсолютно здоровые! Представляете, каково моё удивление? А теперь скажи мне, пожалуйста, что произошло в том паршивом доме?

Оуви, шурша травой, подполз ближе к Медее, чтобы лучше видеть раскрасневшегося Сокола, который как безумный махал руками. Птицеподобное создание немного испугалось, но всё равно подскочило и обняло взволнованного наёмника. Из-за маленького роста оуви, к несчастью, смог обхватить только талию человека, что, как ему показалось, не предстало существенной проблемой.

– Мой спаситель, в-вам нет нужды так нервничать. Я в-верю вам.

– Опять эти сопли. – Медея закатила глаза.

– Нет, не с-сопли. Дело в том, ч-что, когда вы в-выпустили из себя... вот это... что-то чужеродное, п-простите мне м-мою н-неосведомлённость, в-ведь на м-магию это было совсем не похоже! – все ж-жители, напав-вшие на вас, начали р-рассыпаться. Как песочный з-замок!

– Ага, а потом я смотрю на своего отца, а вместо его лица – иссушённый череп, – добавила Медея. – Вот веселье.

– Но вы живы! – воскликнул Сокол. – Вы живы!

– Мож-жет, вы, мой спаситель, не х-хотели причинять нам б-боль?

Или они просто могли быть полезным пушечным мясом. Ничего личного.

– Мы знакомы от силы неделю, – скептически заметила Медея. – А с этой птицей ещё меньше. Так что не думаю, что тут сыграла роль ваша детская дружба. Ты одержим.

– Одержим! – повторил оуви и спрятался за Лиднер. – Это кошмарно! В одержимых н-находятся д-духи!

– Я спас вас. – Сокол прищурился. – Разве не это должно волновать в первую очередь?

Оуви пискнул, а Медея, покрутив в руках небольшой кинжал, равнодушно пожала плечами.

– Если твой маленький секрет раскроется, тебя убьют. Или будут пытаться. Это отклонение от нормы. Дух должен был тебя прикончить или, предположим, поработить? Чем они вообще там промышляют? Но ты в порядке. Ты остался человеком. Почему?

– Я понятия не имею, – нахмурившись, отреагировал Сокол. – В любом случае надо искать во всём плюсы. С этой силой у нас есть преимущество.

– Ты не умеешь ею пользоваться.

– Я научусь.

Медея хмыкнула, а голос в голове Сокола оглушительно засмеялся.

– Как аргумент звучит слабо. Но ладно. Надеюсь, я не пожалею о своём решении сохранить тебе жизнь. Тебе повезло, что ты мне ещё нужен. – Она поправила выбившиеся рыжие пряди. – Ты должен это ценить.

– Вау, ты такая щедрая, – язвительно буркнул Сокол и присел рядом с догорающим костром. – Зачем я тебе нужен? Речь шла только об одном доме.

– Я не буду с тобой откровенничать. Тебя это не касается – запомни раз и навсегда. Я тебе плачу. А ещё спасаю твою тощую задницу от проблем. Равноценный обмен.

– Нет, м-мисс, это несправедливо! – заявил оуви. – Если м-мы собираемся дер-ржаться вместе, м-мы должны знать хоть какую-то пр-равду друг о д-друге.

– Наше приключение будет коротким, уж поверь. Мне без надобности заводить новые знакомства. Тем более с одержимым и... жалкой пародией на птицу.

– Вот и славно, – проворчал Сокол. – Всё равно я не собирался дружить с той, кто меня ни во что не ставит. Меня волнуют лишь твои деньги. Пока они у тебя есть – я, Сущий тебя дери, в твоём распоряжении.

– Какие удачные мысли! – парировала Медея. – Очень надеюсь, ты теперь будешь более внимателен к своему непутёвому духу и перестанешь наконец-то портить мне жизнь!

– Обязательно! Я уже мечтаю отвязаться от тебя и пропить свои заработанные потом и кровью глеты!

– Вау! Изумительно! Моё воображение уже рисует, как я, прощаясь с тобой, становлюсь человеком, а не каким-то варваром! Сущий, твоя борода ужасна!

– Пожалуйста, хв-ватит! – взмолился оуви, замахав для пущей эффектности крыльями. – Я не в-вытерплю это м-мучение!

Сокол, по-детски высунув язык, продемонстрировал его Медее и намеренно, со злым умыслом, потушил огонь. В наступившей темноте он не увидел, как девушка в ответ показала ему средний палец.

Оуви, трагически выдохнув, пришёл к мнению, что разговор был так себе по продуктивности. Он, дождавшись, когда Сокол уляжется, попросился к нему. Наёмник, прыснув от такой просьбы, в конце концов согласился, и оуви, уместившись так, чтобы его обнимали, закрыл глаза и сразу уснул. Он чувствовал себя комфортно в объятиях своего спасителя, и это было для него превыше всего.

Медея же, развернувшись ко всем спиной, ещё долго размышляла обо всём на свете и только под утро благополучно провалилась в Царство Сна.

– Так как тебя зовут?

Пейзаж леса был естественной картиной, стоявшей уже который час перед глазами Сокола. Уснув, он лицезрел его, и проснувшись – снова его – правда, при солнечном свете. Наёмника такое постоянство вовсе не угнетало: он привык и к возвышающимся над ним деревьям, устремлённым кронами к небу; и к птицам, перелетающим от ветки к ветке; и даже к ветерку, шуршащему листву.

Оуви, будучи созданием, рождённым в лесу, тоже относился к пешей неторопливой прогулке вполне положительно. А вот Медея злилась.

Что ж, не всем дано обуздать эмоции и слиться с природой, найти гармонию, познать мироздание, открыть в себе новые способности и... В общем, Медее просто не нравилась компания, с которой она связалась, а одинаковый лес и монотонная ходьба только больше подбрасывали дров в разгорающийся и неухающий костёр.

– Стриго, – радостно ответило птицеподобное существо.

– Стриго, – повторил Сокол. – Здорово. Я полагал, тебя будут звать каким-нибудь... перьеобразным? А, нет! Ключик! Точно. Очень хорошее имя!

– Но я – Стриго, – отмахнулся оуви, смутившись. – М-меня называли в ч-честь нашего г-героя, который в одиночку с-справился с полчищем вульфов¹. У нас даже есть л-легенды, связанные с ним!

– Вы почитаете своих героев?

– Д-да, мы считаем в-важным помнить п-предков. М-мы – племя, а племя строится на знании о п-прошлом.

¹ Размер взрослой особи (без учёта хвоста) достигает 80 см, хищники. Узкие хитрые глаза, длинные широкие уши, острые зубы и когти. Гладкошёрстные, но спина и голова покрыты тёмным пушком. Хвост тонкий. Окрас бывает любым, но преобладающий цвет – охровый.

– Бла-бла-бла. – Медея развернулась к Соколу и Стриго и скривила недовольно лицо. – Есть темы более занимательные, нежели умершие недоптицы?

Оуви, растерявшись от таких дерзких слов, сконфуженно замер. Сокол, возмущённый чужой бестактностью, встал на его защиту:

– Если тебе нечем заняться, то следи за дорогой. Если мы из-за тебя заблудимся и попадём в очередную западню, то, клянусь, ты об этом пожалеешь.

– Ты не умеешь угрожать, бестолочь, – резюмировала Медея.

– Зато ты у нас настоящий профи в этом деле. – Сокол, остановившись, театрально поклонился. – Уж прошу прощения, Ваше Высочество.

– Пошёл знаешь куда? В задницу.

Она, переступая неровности дороги, ведущей их всё дальше от ночного лагеря, разведённого впопыхах из-за наёмника в глубине леса, мысленно ругнулась из-за отсутствия надлежащих благ – не только для обычных людей, а ещё для торговцев на повозках. В этот раз Медея полностью игнорировала беседу Сокола и оуви, тихо рассказывавшего, как все в его племени были без ума от героя; как дети, растущие на легендах о Стриго, сами мечтали быть такими же сильными и смелыми, как он.

Сокол слушал Стриго вполуха. Его, несомненно, интересовала история оуви, однако прямо сейчас его волновал куда более насущный вопрос, а именно – Медея. Его раздражало, что она не старалась с ним нормально пообщаться и только грубила, будто вся вина её несчастий лежала исключительно на нём.

Да, разумеется, он немного... Он сильно облажался, когда из-за него погиб её отец, но данное недопонимание они уже обсудили. Попытались, по крайней мере. И Медея, хоть ей тогда было слишком досадно от правды, вела себя вполне адекватно.

Даже если Лиднер и считала его убийцей, она его покрывала.

Даже если девушка обижалась на Сокола, она скрывала свои истинные эмоции в глубине души и упорно делала вид, что чувствовала себя прекрасно. Как опрометчиво!

Сокол, будучи тоже человеком с тяжёлым характером, намеренно не затрагивал болезненную для них тему, и это являлось его главной ошибкой. Он страдал от излишней гордости, из-за чего раньше получал от Орла. Кроме того, наёмник не хотел навязываться. Поэтому вместо решения возникшей проблемы он просто наблюдал и думал, что молчание им поможет. Хотя бы чуть-чуть.

Сокол был таким глупым.

– Я вижу, впереди город. Нам нужно закупиться всем необходимым для дальнейшей дороги и-и... – Медея скептически осмотрела бороду Сокола. – И тебе надо будет посетить цирюльника. Извини, но ты выглядишь с этим кошмаром отвратно. Если тебе нужны деньги, а они тебе нужны, ты обреешь себя. Да, иначе я не позволю тебе находиться рядом со мной. Ты меня позоришь.

– Я...

– Если ч-честно, м-мисс права... – скромно согласился оуви. – Вам н-не идёт, м-мой спаситель.

– Э-э...

– Так что я могу заняться со Стриго делами, ну а ты, сам понимаешь, будешь избавляться от своего недоразумения. И не смей никого трогать. Пожалуйста! Мы не можем впустую тратить ценнейшее время!

– Да какого... – не закончил Сокол.

– Я всегда х-хотел купить ор-решки! – перебил Стриго. – В городе же н-навверняка их пр-продают, да?

– Вот попросишь у своего спасителя, и он обязательно выделит тебе сумму на собственные нужды. Если он не пропил все глеты, конечно.

Стриго большими глазами глянул на Сокола, у которого не имелось никаких шансов противостоять обаянию оуви. Сгорбившись, он поднял голову к небу и взмолился.

– За что мне это зло... Ладно!

– Спасибо! – Оуви радостно запрыгал на месте, а затем прильнул к Соколу. – С-спасибо!

– О Суций, давай только без этих обнимашек. – Наёмник заметно покраснел, явно смутившись. – Мне уже плохо от них. Пожалуйста!

– Они бы тебе не помешали, – заключила Медея.

Им пришлось пройти приличное расстояние по неровной дороге, прежде чем наконец-то дойти до ворот, где стояли стражники – всего лишь два хлипких человека. Сокола несказанно обрадовало, что на пути с ними ничего не стряслось. В противном случае они бы добирались до треклятого города чересчур долго.

За последние дни Сокол ничего не ел. Его желудок противно урчал и требовал хоть чего-то съестного, а ещё раскалывалась голова из-за жёстких спальных мест. Наёмнику привычно спать где не попадая, и всё же он был совсем не прочь переночевать в каком-нибудь гостинном доме, даже если для этого пришлось бы отдать всё состояние.

Сейчас Сокол ни с того ни с сего ощущал острую нехватку нормальной человеческой кровати. И еды. Вкусной еды.

Стражники, засыпавшие на своём посту, пропустили путников без проблем. Даже радостный оуви их не смутил – это ведь не нивр.

Сам городок, Эднус, был маленьким, однако куда больше Верфидо. Сокол бы его назвал типичным местом для семейной жизни. Разумеется, не исключено, что сюда забежали разбойники, но наёмник мог поклясться мизинцем – это происходило крайне редко.

В каждом уголке Эднуса кипела жизнь, раздавались крики, недовольства, ругань – в общем, всё то, что делало его самым обычным и нормальным городом, без людей под гипнозом и прочей лабуды.

Уже неплохо.

Выйдя по широкой дороге на площадь, Сокол огляделся ещё раз. Королевство людей никогда не славилось изящной архитектурой, поэтому и дома здесь стояли низенькие, классической квадратной формы и блёклые. Они не притягивали к себе взгляд утончёнными деталями или необыкновенным фасадом. Это были типичные постройки, пригодные для того, чтобы передохнуть, и жить в них на постоянной основе Сокол бы не хотел. Он больше предпочитал улицу и безграничную природу, опасности, поджидающие на каждом шагу, нежели коробку с четырьмя стенами. И сколько бы наёмник не жаловался – например, на то же отсутствие кровати, – его это вполне устраивало.

В конце концов, он – свободолюбивый человек, а не семьянин, готовый пожертвовать самым ценным ради возможности растить детей вместе с любимой жёнушкой.

– Итак. – Медея, изучая местность, положила руки на бёдра. – Лавки вижу. Цирюльник, наверное, дальше.

– А давай всё же не будем? Ты не представляешь, чего меня лишаешь! Я даже придумал имя, прикинь? – гордо объявил Сокол, с достоинством проведя по густым и неаккуратным волосам на подбородке. – Бородушка!

На веснушчатом лице Медеи отобразилось недоумение. Сам оуви, с нечитаемой эмоцией заиклившись на наёмнике, чуть приоткрыл клюв.

– Это что, твоя запасная рука? – скептически полюбопытствовала Лиднер. – Ты уберёшь это. Живо. Иначе не получишь деньги за работу, которая ещё не выполнена, если ты тугодум и до сих пор не допёр. Дом моего отца – это лишь малая часть нашей с тобой сделки.

– Я даже не в курсе, ради чего страда-а-аю! – наигранно захныкал Сокол. – О, деньги, почему они так манят! Суций, это наказание!

– Прекрати придуриваться. Ты вообще видел себя со стороны? Ты как неудачник. Весь заросший и грязный. Бродяжки и то выглядят лучше тебя.

– Нас обзывают, Бородушка, нас не ценят...

– Я не собираюсь это терпеть.

– Ты слышишь это? – Сокол притворно загрузил. – Кто-то мешает нам наслаждаться обществом друг друга!

Оуви засмеялся, пока Медея ещё больше закипала. Сокол же, воспользовавшись представившейся возможностью, начал всячески изощряться и намеренно играть на бедных нервах Медеи.

– Я целый год, целый го-од жил с ней! А сейчас эта наглая женщина, с которой я почти не знаком, заставляет меня расстаться с любовью всей моей жизни! Она шантажирует меня деньгами! Деньгами! О, какое же издевательство!

– Я сама куплю тебе орехи, Стриго, – уверенно произнесла Медея.

– П-правда? – Оуви вопрошающе глянул на распалявшегося Сокола. – Но к-как же...

– Оставим его наедине со своей неадекватностью.

Медея пошла прочь от Сокола, а за ней поплёлся оуви. Тот, чувствуя себя подлым существом, постоянно оборачивался, но вместе с этим он успокаивал себя, что покупка настоек и продуктов – сейчас важнее всего, ведь впереди наверняка намечалась долгая дорога. А то, что делал Сокол... Он ребячился, и кроме потраченного впустую времени это ничего бы не дало их общему делу.

Когда Медея и Стриго ушли, Сокол вздохнул с облегчением. Он побыстрее ретировался, чтобы больше не привлекать к себе ненужное внимание жителей города. Ему и без того пришлось опозориться.

Даже для меня это перебор, хотя мне совершенно наплевать на внешность столь убогих созданий.

– Ой, только вот тебя здесь не хватало.

Тебе стоит внять этой одарённой. Она единственная, кто говорит здравые вещи.

– Ага. Может, мне ещё плюнуть кому-то в рот? – язвительно поинтересовался Сокол. – Ну, это же так здорово!

Тебе это всё равно не поможет поумнеть.

– Ха-ха! Пошёл ты.

Проходившая мимо женщина косо глянула на Сокола. Она уставилась на его бороду, скривилась и ускорила шаг, чтобы, по всей видимости, скорее забыть эту жуть.

О, какая печаль. Тебя остерегаются даже эти самобытные организмы.

– Я не буду. Не буду!

Пробегавшие мальчишки лет шести резко остановились. Они недолго изучали серьёзного Сокола, после чего указали пальцем на его длинную растительность внизу лица, рассмеялись и убежали.

**У тебя до сих по нет желания привести свою скудную внешность
в относительный порядок, смертный?**

– У меня есть отличное желание послать тебя ещё раз.

– Мама, мама, вот там! Вот! – Девочка в красивом розовом платье показала на Сокола. – Этот дядя как будто в коровьих какашках! Это так забавно!

– Тише! – Женщина закрыла собой дочку, а потом зыркнула на человека, которого так нелестно описала девочка, и с трудом удержалась, чтобы не захихикать. – Не будь такой грубой. У дяди могут быть проблемы... Давай же, не отставай!

Может, они и глупы, но я впервые разделяю их мнение.

– Ох, дерьмо! Ладно, ладно! Я понял. Всё! Я подчинюсь, только отвалите от меня все!

На крики Сокола оглянулись ещё люди. Махнув на них рукой, он целеустремлённо пошёл вперёд, завернул в узкий переулок, однако совсем скоро ему пришлось вернуться назад, потому что дальше располагался тупик.

Цирюльника он нашёл только когда перерыл весь несчастный город и, не обнаружив ничего подходящего, спросил у проходившего мимо старика, любезно помогшего советом. Он даже не засмеялся, как другие, хотя... постойте. Нет. Зараза! Когда Сокол направился в указанное место, то услышал за спиной очередной хриплый хохот, принадлежавший, бесспорно, этому старому гаду. Будь он проклят! Дух, едко прокомментировавший эту ситуацию, был также заткнут разозлённым Соколом.

Его всё бесило, и любые слова в свой адрес вызывали в нём новый приступ неконтролируемой агрессии.

Когда Сокол достиг долгожданной цирюльни, то пару раз вздохнул, собираясь с силами, а затем, мысленно попрощавшись со своей Бородушкой, вошёл на негнущихся ногах в это убийственное заведение.

– Мне т-тяжело... – чуть ли не взвыл Стриго, таща на плече сумку.

– Ты несёшь только настойки. А их и так очень мало, – указала Медея, поправляя более крупный походный рюкзачок. – Так что прекрати ныть и приноси хоть какую-то пользу.

– Я с-стараюсь, но мне пр-рава тяжело!

– Ну, значит, отдашь всё Соколу. Пусть спасает тебя во второй раз.

– Это, д-должно быть, х-хорошая идея, но я не х-хочу-у-у... О Сущ-щий!

Стриго, непонятным образом удержав сумку, вскрикнул, когда заметил Сокола, подпиравшего стену дома – но не просто обычного, того самого Сокола, а побритого Сокола! Оуви

представлял, как кардинально наёмник может измениться, когда эта злополучная борода упадёт с его лица, да чтобы настолько... Даже Медея, порядком потрясённая, не могла произвести ничего дельного. Она просто изучала его и определённо поражалась возникшим переменам – они точно пошли их спутнику на пользу.

С сорокалетнего мужчину сразу в двадцатилетнего парня – право слово, поразительный контраст!

– Привет.

– Ты-ы... изменился, – протянула Медея. – Это... похвально.

– Да, я всё же подумал над вашим предложением, поэтому решил не откладывать на потом столь важное дело.

– Вы в-выглядите просто великолепно, м-мой спаситель! – охнул Стриго. – В-вы оч-чень к-красивы!

Сокол сделал изящный поклон и подмигнул Медее и оуви.

– Это у вас там еда? А зачем?

– Провиант тебя спасёт, когда мы покинем завтра же утром город. – Она, специально продолжая утаивать подробности, перестала пялиться на Сокола и вгляделась в тихие, безлюдные улочки. – Я не буду спрашивать, сколько ты здесь стоял. Пора в гостинный дом. К твоему счастью, мы его уже нашли.

– Отлично! Но перед этим... – Сокол достал увесистый мешочек и протянул его Стриго. – Я укра... Я нашёл для тебя орешки. Самые разные! Как ты и мечтал.

Янтарные глаза оуви начали блестеть от подступивших слёз. Он вытер их свободной рукой и с благодарностью кивнул Соколу.

– Я б-бы в-вас обнял, н-но вы не л-любите н-нежности... И я п-переживаю, что тогда все настойки м-могут разб-биться...

– О не-ет, вы ещё и их купили?

– Потому что это тебе тоже пригодится, дуралей, – беззлобно уколола Медея. – Ну и нам. Всем. Вы меня потом будете благодарить.

Сокол аккуратно взял у оуви маленькую сумку и повесил её на свободное плечо. Он подумал, что было бы неплохо заменить всё одним рюкзаком, дабы не таскать, как последний идиот, кучу предметов и испытывать неудобства. Впрочем, сейчас это его волновало не так сильно. Вот утром, может быть, он действительно над этим задумается.

Медея, цокнув языком, ничего не произнесла. Однако ей очень хотелось высказаться, что вместо настоек Сокол мог взять на себя провиант.

Оуви, трепетно забрав мешочек с орешками, вышел вперёд и вприпрыжку повёл своих спутников к гостинному дому.

– Что это значит? Почему вам не нужен совместный номер?!

Толстяк, лет пятидесяти, с седыми висками и лысой макушкой, шурился на своих клиентов и никак не мог понять, почему два человека, мужчина и женщина, рвались снять не совместный номер. Что с ними не так? Неужели они пропустили табличку рядом с кустиком? Все её игнорируют, а потом жалуются!

– Потому что мы хотим одноместный, старый ты кретин, – процедил Сокол, уставший повторять одно и то же. – Ты что, считать не умеешь? За два номера ты получишь больше прибыли, чем за один!

– Но вы должны снять совместный! Разве вы не пара?

– Нет! – хором гаркнули Сокол и Медея, недовольно переглянувшись между собой.

Оуви, находившийся рядышком, медленно грыз орешки и каждый раз сдерживал смешки, когда хозяин дома возмущённо взмахивал руками и повторял однотипную фразу, порядком раздражавшую и Сокола, и Медею.

– Вы же совсем как пара! А это ваш... Ну как там его... Раб, ага! Или лакей – неважно. Я уже видел такие парочки, я всё знаю!

Стриго, подавившись, бросил озадаченный взгляд на Сокола, но тот, поглощённый бесполезной беседой с хозяином гостиного дома, не обращал ни на что внимания.

– Послушайте, мы не пара. И нам даром не сдался двухместный номер. Я хочу побыть в одиночестве. Она хочет побыть в одиночестве. Наш оуви тоже хочет побыть в одиночестве. Мы все устали после тяжёлого дня, поэтому заткни свой тупой рот и дай нам человеческие кровати!

– Думаю, ты перестарался... – прошептала Медея.

– Я всё понимаю, – пролепетал хозяин.

Послышался синхронный вздох облегчения.

– Отлично, а теперь...

– Я понимаю, – перебил Сокола мужчина, – в паре бывают ссоры, но мы, между прочим, призваны решать такие случаи! На красивенькой табличке я всё предельно ясно написал! «Да придут сюда те, кто нуждается в любви»! Меня втайне зовут Человеком, Который Сшивает Сердца! Так что вы можете поделиться со мной любыми секретами!

– О Суший...

– Давай я. – Медея оттолкнула Сокола, положила руки на стойку, чуть наклонилась и мило улыбнулась. – Мой дорогой не желает признавать нашу связь. Он утверждает, что не такой, как все, – она, перейдя на шёпот, сделала странный жест, и хозяин ошеломлённо присвистнул. – Да и посмотрите на его внешность... Впрочем, я хочу устроить ему небольшой сюрприз, но для этого нам нужны три комнаты. Теперь вам ясно?

– Конечно, конечно! – Он закивал, резко ударил себя по лбу и погрузился. – Однако для вашего существа я не могу выделить место. Комнаты только для людей. Он может переночевать неподалёку в хлеву.

– Я заплачу вам за его комнату по двойному тарифу. Он чисто плотный. Вам не стоит переживать.

Хозяин, прикусив губу, вспотел. Он размышлял, как поступить: по правилам или поддаться жажде наживы. В итоге деньги перевесили его совесть. Вздохнув, он положил на стол три ключа.

– Только никому.

– Никому.

Она протянула ему глеты, снова обворожительно улыбнулась и мысленно отпраздновала свою маленькую победу.

Поднимаясь по небольшой деревянной лестнице на второй этаж, Сокол, порядком вымотавшийся за целый день, первым нарушил наступившее молчание, которое изредка перебивалось хрустом орешков:

– Ловко ты его. А откуда у тебя столько денег-то?

– Украла сбережения отца. Он откладывал глеты на «чёрный день», когда ещё мать и сестра были... – Медея невнятно промычала, когда прикусила губу. – Забудь. Это не имеет значения.

– Ладно. – Сокол задумчиво почесал затылок. – Спасибо. Я бы не вытерпел, если бы застрял вместе с тобой в одном маленьком помещении.

– А я бы не х-хотел спать в хлеву. Со с-свиньями! – Оуви испуганно взмахнул крыльями. – М-мне даже в с-страшном сне такое не п-приснится!

– Будете должны. Оба. – Она утомлённо передала Стриго и Соколу ключи. – Спокойной ночи. Пожалуйста, не убейтесь во сне.

- Спокойной, Медея. Надеюсь, ты не лунатишь.
- Ещё раз большое сп-пасибо, м-мисс! Сладких-х снов.

И все трое, не оглядываясь, разошлись по своим комнатам, располагавшимся рядом друг с другом.

Ночь была длинной, и каждому так некстати снились свои кошмары из далёкого и трагического прошлого, о котором каждый грезил забыть.

III. Провинциальный городок и его сложности

– Будь проклята эта неблагодарная должно-о-о-о..!

Мавор, споткнувшись о торчавший корень, повалился лицом прямо в мутную лужу. Вся его одежда мгновенно позеленела, а появившийся запах был таким, словно он искупался в грязи вместе со свиньями.

Болото во всём Королевстве Ин-Нар считалось проклятым и неблагоприятным местом. Люди предпочитали обходить его стороной, потому как боялись попасть под невиданные чары и навсегда в нём заплутать. Но, как и везде, находились смельчаки, или просто отчаявшиеся безумцы, приходившие сюда и бесследно пропадавшие. Пожалуй, именно из-за них Болото приобрело плохую славу, породившую выдуманные истории об агрессивных призраках, забирающих с собой живых.

Однако одних неупокоенных душ не хватало, чтобы сделать рассказы достаточно устрашающими, поэтому люди придумали монстров – настолько жутких в человеческом воображении, что от одного взгляда на них, опять же по легендам, всё тело коченело, а сердце останавливалось.

Разумеется, это были обычные страшилки для маленьких детей, чтобы те вовремя ели противную кашу и не смели убегать из родительского дома. Правда, Болото действительно являлось особенной территорией, где происходило предостаточно необъяснимого.

– Ты упал. Молодец. – Цирцея со скукой наблюдала за поднимающимся Адъяром. – Что потом? Ты обвалишься в дерьме февулов?

– А вот знаешь... – Мавор выпрямился, и, хоть он выглядел жалко, его лицо оставалось безучастным. – Говорят, отходы февулов в переработанном виде благосклонно влияют на кожу. Как думаешь, милая, мне уже необходимо следить за собой?

Адъяр похлопал себя по щекам и подмигнул Виге, на что та закатила глаза и фыркнула.

– О чём ты вообще думаешь, Мавор?

– О том, как понравиться тебе!

Страхнув с рукава чёрной одежды комок грязи, Мавор, глядя на Цирцею, поиграл бровями.

– Так ты точно ничего не добьёшься, – фыркнула она.

– О, ты просто не ценишь меня, такого замечательного и неповторимого. Ты бы тоже была прекрасна, как и я, если бы прекратила прятаться в свой непробиваемый панцирь и считать, что это правильно. – Адъяр равнодушно махнул рукой. – Чаще всего именно такое поведение свидетельствует о причинённой боли.

– Никогда, – Цирцея подняла палец и нахмурилась, – слышишь? Никогда не смей делать подобные анализы. Ты ничего обо мне не знаешь.

– Конечно. – Мавор ободряюще улыбнулся и отдал ей честь. – Как скажешь, госпожа.

– Прекрати так улыбаться! Это неуместно.

– Я бы и дышать прекратил, но, боюсь, тогда тебе придётся тащить меня на своих шикарных плечах.

Цирцея, громко ругнувшись, пошла прочь от Адъяра. Её раздражала вся ситуация, бесило это убогое, никому не нужное Болото и Лидер, посмеявшийся отправить сюда их, а не приспешников, обязанных выполнять приказы за милую душу.

В конце концов, она испытывала целую бурю негативных эмоций от одного присутствия Мавора рядом с собой – того, кто будто намеренно издевался над ней.

Бесит!

Она огляделась с целью более-менее понять обстановку и невольно заметила, как туман, прежде терпимый, стал гуще. Цирцея щёлкнула пальцами и попыталась таким образом создать

небольшой огонёк, позволивший бы ей хоть как-то сориентироваться в пространстве, но он, к несчастью, тут же погас.

– Мавор?

Она повернулась назад, когда почувствовала прохладный ветерок, вызвавший мурашки. Вига прищурилась, сделала пару осторожных шагов. Что-то мерзко хлюпнуло под её ногами, в воздухе раздалось злостное рычание, и Цирцея резко отскочила, выставив руку в защитном жесте.

Отражать нападение не пришлось – настораживающие звуки пропали, словно и не было здесь никого живого, за исключением противных кровососов, мешающих сосредоточиться.

Цирцея сжала кулаки.

– Мавор, это не смешно! Прекрати!

Эхо наложилось и создало не менее страшный эффект множественного присутствия. На миг Виге почудилось, что рядом с ней сотня... тысяча человек, и они повторяли её слова, только разными голосами: от детских до старческих.

– Мавор?..

Цирцея была не из пугливых. На самом деле, она выделялась на фоне других в Циннии как раз-таки благодаря своей смелости. Она – наравне с Лидером, который своей непроницаемостью мог в самом натуральном смысле убивать. Человеком он являлся жутким, особенно для новичков, полагающих, что их предводитель способен по щелчку пальцев взорвать Солфас. Конечно, мир он навряд ли взорвёт, а вот человека – без проблем. Однако новичкам, послушникам, такую информацию лучше не знать.

В общем, чтобы напугать Цирцею – надо постараться. Сомнительная работа закалила её нервы, и они стали почти стальными. «Почти» – это ключевое слово, потому что данная ситуация, куда она угодила по милости Лидера и, несомненно, Мавора, – вывела её из равновесия.

Все легенды, которые Вига когда-либо слышала об этом Болоте, всплыли в её сознании. Все монстры, придуманные больной человеческой фантазией и описанные во всяких книгах, в её испуганном разуме стали приобретать всё более и более зловещие формы. Она почувствовала, как пальцы предательски сжались, а ноги подкосились. Цирцея, уставившись в серое никуда, прикусила нижнюю губу и замерла.

Казалось, это был абсолютно другой человек – разбитый, раненый и вовсе не похожий на невозмутимого Лидера, далёкого от всех эмоций.

Она обняла себя в естественном желании защититься. Сделала ещё пару шагов, ожидая не приблизивших её ни к какой цели. Складывалось впечатление, что всё Болото – живое существо, незаметно дышащее и только ждущее, когда жертва, ослабленная психологическим давлением, свалится в пасть монстру.

Цирцея вздохнула. Она не умрёт здесь, не заблудится. Она докажет свою силу. Никто не тронет её.

Больше никто.

Прямо перед ней что-то пошевелилось. Фигура, заметно выделяющаяся в тумане, быстро росла. Сначала массивные рога, метровые уши, закрученные в спираль, следом – морда, длинная шея с непропорционально маленьким телом и наконец огромные лапы с невероятно острыми когтями, готовыми с лёгкостью распороть человеческое брюхо.

Существо издало оглушающий рык, от которого обязательно бы побилась вся посуда, если бы она только была, и туман, прежде густой, стал медленно редеть, будто управляемый этим до странного уродливым созданием.

Это – «Тот, кто ненавидит» – в прошлом, во времена духов, называемый людьми Тонитрусом. Опасный зверь, извергающий из своей пасти едкую кислоту, способную прожечь даже драконью кожу, славившуюся прочностью во всём Солфасе. Цирцея читала о нём в книге, ещё в далёком детстве, и прекрасно знала, что они давно вымерли.

Тупая морда с уродливым носом и розовыми пятнами смотрела прямо на неё: зелёные губы облизывал длинный, змеиный язык, красные глаза с фиолетовым горизонтальным зрачком пристально наблюдали за Вигой, приворожённой столь тошнотворным зрелищем. Она никогда в жизни не видела существа более безобразного. Даже Мавор по сравнению с ним – настоящий красавчик.

Цирцея искренне не знала, что ей делать. Она никогда не сражалась с реальным противником. Она умела подбирать правильные слова, манипулировать, если в том имелась необходимость, но не драться, как Мавор, которого очень не хватало.

Раздался гром – это Тонитрус сделал вялый шаг к Цирцее, глупо смотревшей на него.

Ещё один шаг.

И ещё.

Сердце безумно заколотилось в грудной клетке. Вига призвала к себе чёрную магию, окутавшую спиралями руку, и выставила её вперёд, направив собранный сгусток на монстра.

Бесполезная попытка.

Магия быстро прошла сквозь Тонитруса и никак не задела его. Ни во второй, ни в третий раз. Ни в четвёртый.

Цирцея непонимающим взглядом уставилась на чудовище, медленно подбирающееся к ней. Она с трудом верила, что вся магия, все её силы ушли напрасно. Они даже толком не тронули его, словно он...

О Суций. Только не это. Нет. Нет, нет, нет. Невозможно!

Это гадкое создание не может быть невосприимчивым к магии. Тем более к этой магии. Это какой-то бред. Проверка её способностей? Шутка? Она провалила задание?

Цирцея хотела развернуться и метнуться со всей дури прочь, но её – какой кошмар! – засасывала вязкая вода, где она всё это время стояла.

Это – конец.

Вига видела, как неспешно, будто осознавая своё превосходство, надвигался на неё Тонитрус – «Тот, кто ненавидит», – видела его морду – так себе картина перед смертью – и ощущала свою никчёмность.

Почему ей вечно доставалось всё самое худшее? Чем она заслужила от судьбы такой жестокий пинок?

Где была справедливость?

– Цирцея!

Не успела Вига среагировать, как её сбили с ног. Она упала в склизкое месиво – вся одежда и в том числе волосы перепачкались в мерзопакостной, воняющей грязи – и начала неожиданно задыхаться.

– Цирцея!

Вига не могла открыть глаза, она хваталась за воздух в надежде выжить, но эти движения были слишком рваными, беспорядочными и причиняли только больше боли.

На её лоб опустилась тёплая ладонь. Тёмная магия заволокла всю голову и отправила её во внеземной полёт по звёздному небу. Такому красивому и бесконечному...

– Пожалуйста, приди в себя, ненормальная!

Было так легко и приятно. Никаких забот и переживаний. Даже голос не мешал наслаждаться полной свободой, в которой она нуждалась всю свою жизнь.

– Цирцея, прошу...

Вига с трудом разлепила веки и первое, что она лицезрела – это перепуганное до смерти лицо нависавшего над ней Адьяра. Осознание пронзило её мозг, и Цирцея чересчур шустро поднялась и по неосторожности столкнулась с Мавором, не успевшим отодвинуться. Оба одновременно потёрли ушибленные лбы.

Цирцея, не замечая ни монстра, ни тумана, с прищуром огляделась. Слева виднелась шаткая избушка, окружённая растительностью в виде жухлой травы и полуживых деревьев без листвы.

Это отчасти безмятежное Болото никак нельзя было сравнить с тем напряжённым и жутким местом, где она находилась. Или находится и по сей час?

– Где... Где Тонитрус?

– Кто? – удивлённо спросил Мавор и, не дождавшись ответа, добавил: – Ты знаешь, почему вокруг этого Болота ходит так много легенд, раненая птичка?

– Что ты... – Цирцея небрежно убрала руки Адъяра со своей талии, поднялась и чуть пошатнулась. – Хватит говорить своими загадками. Давай прямо.

– Раньше здесь было пастбище. Тут жили огры. Необычная территория для них, да? – посмеялся Мавор. – Но потом животные начали заболеть, сами огры, впрочем, тоже проявляли признаки хвори. Природа с каждым месяцем увядала и становилась мёртвой. Есть теория, что дело – в проклятии духов, а вот я считаю, это сплошные байки. Где появляются огры – там начинается засуха, даже если это и вредит в первую очередь им. Чистый факт.

– Ну и зачем мне нужна эта информация?

– Эй, я не договорил. – Мавор нахмурился.

– Ах, прошу прощения. Продолжай свой дивный сказ!

Адъяр пропустил язвительную интонацию мимо ушей.

– Природа тут настолько испортилась, что стала местом сосредоточения всякой дряни. Тут нет монстров – никто бы не стал селиться в Болоте, будучи в уме. Но зато есть иллюзии. Игры воображения, понимаешь? Опять же всё спихивают на духов, но я готов поспорить.

– Мавор, ты...

– Гений? Да.

– Откуда ты это знаешь? – Цирцея отказывалась верить, что Мавор мог быть разумным. – Звучит как бред.

– Всё благодаря древней литературе. Я прочитал её, чтобы понять, куда нас направили.

Цирцея недоверчиво оглядела Мавора. Мысль, что он сидел при свечах за книгой, смешала её.

– Брехня. Ты и чтение? Совершенно на тебя не похоже.

– Ладно... я немножечко солгал, каюсь. Мне в сжатом виде рассказали про это Болото. Спасибо Лидеру.

– Что ж... теперь я верю, – проговорила Цирцея, удовлетворённая тем, что добилась от Адъяра правды. – Значит, Тонитрус был иллюзией?

– Да. Они же подошли вместе с теми, кто их создал. Ну, почти. – Мавор, борясь с сильным желанием закурить, сплюнул. – Гадкие духи.

– У тебя тоже была иллюзия?

– Я морально подготовился к этому. – Он указал на старую избушку. – Вот наша цель.

– Ведьма?

– Ага, – подтвердил Мавор. – Она единственная поехавшая, кто сумел освоиться на Болоте. Лидер сказал мне, что Ведьма – как сорока, любящая собирать всякие блестящие безделушки. Не думаешь, что у неё есть какой-то артефакт, способный спасти её от иллюзий?

– Если таковой у неё и имеется, то после нас он перекинется в руки Лидеру.

Мавор одобрительно усмехнулся. Он излишне радостно хлопнул в ладоши и виновато перевёл внимание на Вигу.

– Ты прости, что уронил тебя в... ну, в грязь. Я не специально, но у тебя глаза побелели и закатились. Я запаниковал и-и...

– Не извиняйся. – Она сторонилась Мавора, не желая своим видом показывать ему, как была благодарна. – Я намереваюсь быстро разобраться с этим заданием и вернуться в столицу. Потом обязательно принять душ. Но перед этим я выскажу этому говнюку всё, что о нём думаю.

– Смело, но рискованно.

– Он ничего мне не сделает.

– Ну... да. – Мавор почесал макушку. – Возможно.

– Тогда мой риск будет оправдан.

– Э-э...

Цирцея, обходя зеленоватые лужи и наступая на засохшие тонкие ветки, направилась в сторону завалившейся набок избушки, а Мавор, присвистнув, засеменил за ней следом.

Вига не хотела думать обо всём произошедшем, тем более о «спасении», когда Адъяр прикоснулся к ней и вывел из... того состояния. Она верила, что разобралась бы со всем сама. Иллюзия была правдоподобной, спору нет, но если Мавор сумел укротить Болото, то чем она хуже, верно? Помучилась бы, да выжила – иного выбора нет.

И она не нуждалась ни в каком помощнике. Определённо.

Эффектно отворив дверь ногой, Цирцея сразу же заметила старую женщину, сидевшую напротив камина и вязавшую платок. Вига, не дожидаясь, пока Ведьма повернётся к ним и закричит, одним ловким взмахом руки усыпила её.

Мавор, что-то промывав, начал насвистывать мелодию. Цирцея убийственно на него посмотрела, и он, испугавшись за свою шкуру, утихомирился.

– Забирай амулеты с особой энергетикой. – Вига аккуратно схватила женщину, скептически оглядела её пёстрый наряд и отстранилась. – Я возьму их, а ты будешь тащить её. Она должна рассказать Лидеру, где артефакт.

– Снова ты поручаешь мне такие сложные задачи... Я бы лучше тащил тебя!

– Мавор, – хмуро позвала его Цирцея, – ускоряйся. У нас и без тебя мало времени.

И правда. Вига мечтала покинуть Болото и забыть его, как страшный сон. Она не привыкла незаконно врываться в дома и похищать людей, пускай и натворивших, по словам Лидера, немало плохого.

Ей куда ближе дипломатия, а не насилие, и Лидер прекрасно об этом знал. И, увы, он проигнорировал её нелюбовь, не имея возможности поручить эту миссию кому-то другому. Лидер доверял ей, и потому Цирцее, невзирая ни на что, пришлось согласиться.

Вига надеялась, искренне и отчаянно, что они сразу же отпустят бедную женщину, как только узнают, где та спрятала артефакт, иначе, право слово, чем Цинния будет отличаться от монстров, с которыми поклялась разбираться? Они и так ходили по грани, без причины превышали полномочия, позволяя себе весьма сомнительные вещи.

В конце концов, у всего должно быть ограничение.

Даже у них – у людей, борющихся со злом.

Что Сокол ненавидел больше всего – это просыпаться. Тем более от какого-то звука, разрушающего надежды на «хорошо поспать до обеда».

Он медленно разлепил один глаз. Засмотрелся на потолок и снова уснул.

Через некоторое время Сокол почувствовал, как рука, собственная, чтоб его, рука! – взяла и ударила по лицу. После такого наглого и беспардонного – тут уж без вопросов – предательства не только волей-неволей проснёшься, но и со скоростью света поднимешься. Хотя не в случае Сокола, конечно.

Хватит валяться, как грязное животное. Поднимай свою задницу!

Наёмник устало вздохнул, перевалился на другой бок и без рвения сел на кровать.
– В следующий раз можно сказать и «пожалуйста».

В следующий раз я завладею твоим телом, а ты станешь никчёмным наблюдателем. Тогда я перебыю всех твоих...

– О нет-нет, давай без этих злых речей. Мне такой ужас снился, что я не готов терпеть ещё и тебя. Ты понял? Думаю, да.

Жалкий человечиска, как ты смеешь?

– О Сущий, – взмолился Сокол, массируя переносицу. – Тебя можно как-то заткнуть? Я не хочу слушать тебя целыми днями напролёт. Мне хватает Медеи с её неопределённостью.

Ахерон злобно зашипел и попытался вновь завладеть человеческой конечностью, и вышло это, мягко говоря, плохо. Сокол победоносно засмеялся и в насмешку помахал этой же рукой перед своим лицом.

– Ха! Пошёл ты. Можешь сколько угодно пытаться – я тебе не позволю.

Рано или поздно любое хрупкое сознание ломается под гнётом более сильного. Когда это случится, то смеяться в твоём теле буду я, а не ты.

– В твоих фантазиях? Обязательно.

Сокол довольно потянулся, встал на ноги и почесал живот. Его бело-жёлтая рубашка была мятой и явно нуждалась в замене или как минимум в стирке, но он научился не обращать внимания на такие незначительные мелочи. На самом деле, ему никогда не было дела до своей неопрятной одежды.

Будь чистоплотный Орёл здесь, то он бы как следует его отругал и привёл бы сотню аргументов в пользу того, как важно за собой следить.

– Сокол, твою мать, ты что, помер там?!

Дверь отворилась так же внезапно, как и раздался крик. Сокол заспанный, с запутанными тёмно-русыми волосами, выходящими в стороны, стоял в одной расстёгнутой рубашке и глядел на ворвавшуюся в его комнату Лиднер, чей взгляд прекрасно показывал её недовольство и злость. Он панически пискнул что-то нечленораздельное, не нашёл позы лучше и присел на корточки.

– Что за... Какой кошмар! – Медея спрятала нос в длинном вороте короткой и непомерно узкой, как решил Сокол, куртке. – Ты, Сущий, вообще с водой не дружишь?!

– Между прочим...

– Я не хочу ничего слышать! Нет. Хватит с меня этого! Я пришла сюда, чтобы разбудить тебя, ленивое недоразумение, и ты снова всё испортил! Как, Сокол? Ка-ак?!

За спиной Медеи показался смущённый оуви. Его ушки, покрытые перьями, прижались к голове.

– Мой... с-спаситель...

Стриго не сумел договорить свою умную мысль, поскольку спрятал клюв в маленьких ладошках. Медея, разделяя его мнение, лишь сочувственно вздохнула и вернулась к Соколу, старавшемуся провалиться сквозь половицы:

– Почему вчера этой вони не было? Ты что, специально, да?

– Поспешу напомнить... – проямлил Сокол.

– Я тебе не давала слова!

– Но...

– Сегодня же мы найдём баню и ты, – Медея направила указательный палец на растерянного Сокола, слабо осознающего, почему к нему ворвались да ещё начали им командовать, – помоешься как цивилизованный человек. Твои мозги уяснили это?

– Эй! – Сокол, скрестив руки на груди, с возмущением обратился к покрасневшей Лиднер. – Если ты закончила со своей пафосной речью, а ты, очевидно, закончила, я наконец-то напомню: я привык работать в одиночку и всё, что ты от меня требуешь, это просто...

На улице раздался пронзительный вопль. Команда, мигом забыв про всю разворачивающуюся драму, удивленно бросилась к зашторенному окну.

Противный визг, полный боли и отчаяния, повторился, и героическая душа Лиднер не могла так просто им пренебречь.

– Живо собирайся, – приказала она Соколу. – Мы вместе с оуви пойдём на площадь.

– У меня есть...

– Именно, у него есть имя, – согласился наёмник, защищая Стриго.

Медея, уже не дожидаясь, что ей скажут, побежала в свою комнату за оставленным рюкзаком.

Сокол убито глянул на взгрустнувшего Стриго.

– Не расстраивайся. Она снова встала не с той ноги. Догоняй её быстрее, чтобы она на тебя не наехала.

Оуви послушно кивнул и исчез в коридоре. Соколу понадобились все свои силы, чтобы как можно шустрее натянуть на себя злополучную куртку с проклятущими пуговицами. Наспех пригладив волосы и придав им хоть какой-то цивильный вид, Сокол схватил сумку и рванул вниз.

Владелец, широко улыбнувшись и дружелюбно помахав ему, напоролся на грубый жест со средним пальцем и, замерев от удивления и неверия, удручённо почесал затылок.

На площади вокруг мечущейся женщины, падающей на колени возле каждого человека и истерично просящей о помощи, собралась приличная толпа. Люди, разумеется, брезгливо отходили назад, а кто-то, находя это, видимо, недостаточным, пинал женщину, из-за чего та падала на асфальт и царапала себе руки.

Можно было подумать, что она больна, причём серьёзно: на лицо все признаки неадекватности. Стража, что самое интересное и вместе с тем печальное, стояла практически рядом и никак не останавливала собравшихся, а наоборот – глумилась, как и публика, и кидалась дерзкими фразами, подначивая присутствующих.

Медее, растолкав попавшихся ей на пути зевак, схватила вновь упавшую и плачущую женщину и прижала к себе, словно мать ребёнка. Погладив её по макушке, она с ненавистью подняла голову и оглядела присутствующих, что так яро называли себя «людьми».

– И после этого вы, – начала Медее неожиданно громко и застала врасплох всех, даже подбежавшего оуви, – смеете спокойно ходить, обнимать любимых и воспитывать детей?!

Толпа неодобрительно загалдела.

– Вы – мусор, вот вы кто! Вы выставили бедного человека посмешищем, хотя ей нужна была всего лишь ваша помощь!

– Ха! Какая к духам помощь? Она же опасная истеричка!

Медее молниеносно нашла того, кто сказал этот бред.

– Я с превеликим удовольствием посмотрю в твои бесстыдные глаза, когда твоя жена попадёт в её ситуацию. – Лиднер насмешливо оскалилась, уже осуждая по полной незнакомца. – Тогда узнаем, как ты будешь высказываться, урод.

Мужчину заметно задела эти слова, как, собственно, и всю собравшуюся публику. Та возмутилась, а стража, наострившись, в любую секунду готовилась прервать устроенное шоу.

– О нет, Изабелла, Ребекка, что вы творите!

Вбежавший и неуважительно толкнувший пару наблюдателей Сокол, весь запыхавшись, остановился рядом с Медеей и женщиной. Он согнулся, упёрся в свои колени и рвано задышал. Его лёгкие, ещё год назад спокойно переносившие длинные дистанции, сейчас больно жгли и буквально кричали о том, что они на последнем издыхании и больше не протянут.

Медее, нахмурившись, не до конца понимала намерений спутника, и её это ощутимо напрягало.

– Минуточ-чку... О Сущ-ций... Невыносимо... – Он вытер лицо, промычал что-то, махнул рукой и с трудом выпрямился. – Моя дорогая... э-э... сестра и моя, ну, жёнушка любимая... Всё это семейные неразберихи, с кем не бывает, верно?

Сокол обворожительно улыбнулся сомневающимся людям и помог подняться Медее с её новоиспечённой подружкой.

– Изабелла, жёнушка ненаглядная, очень любит толкать умные речи, она в детстве хотела стать чуть ли не советницей самого Короля. – Сокол посмеялся, и толпа поддержала этот смешок. – Весёлая у меня семейка, ух, весёлая, конечно... А Ребекка потеряла своего февула... – Все поморщились. – Да-да, именно! Эти мерзкие февулы, о Сущий! Вот и плачется теперь...

– И хорошо, что потеряла! – выкрикнула девушка.

– Гадкие создания!

– Смерть им!

– Абсолютная правда! – Активно закивал Сокол и повёл компанию вперёд. – Но она так любила Рыжика... Сентиментальная натура, что с неё взять! Извините за них! Можете возвращаться к своим делам. Всем спасибо! Всех люблю и обнимаю!

Люди предусмотрительно разошлись перед ними, и Сокол смог спокойно провести хныкающую женщину и осторожную Медее.

– Пока-пока! – Он помахал им на прощание, и некоторые ответили ему тем же.

Они отошли на достаточное расстояние и спрятались между домами. Спасённая – Сокол в тайне прозвал её полоумной – не отрывалась от Медее, заботливо укрывавшей её от внешнего мира и шептавшей ей всякие ласковые словечки.

– Ты молодец, Сокол, так держать, bravo... – Он, предчувствуя долгую и шепетильную сцену, присел на асфальт. – Хотя зачем благодарить?

– Вы настоящий г-герой, мой сп-паситель! – Стриго накинулся на уязвлённого наёмника и лишь чудом не попал ему в глаз своим клювом. – Вы п-прирождённый актёр!

– Отпусти меня, пернатое ты нечто! Ай! Больно! Аккуратнее! Не-ет, ты что... А-а!

Вместе с криками сопротивляющегося Сокола, активно борющегося с оуви за нежелание обниматься, раздался тихий, неуверенный смех. Стриго с Соколом одновременно повернулись к Медее, по-прежнему державшей женщину. Только та в этот раз больше не пряталась.

– Моя... Моя маленькая пташка тоже... любила оуви. И различных... зверушек... – Полоумная вновь начала рыдать, и Лиднер пришлось успокаивать её. – Она... Она пропала! Второй день... уже... я-я...

Сокол скривился, за что сразу получил от Медеи мысленную пощёчину. Если бы ей подвелась возможность, то она с превеликим удовольствием вlepила бы ему настоящую.

– Моя девочка с-сказала, что пойдёт погулять... с мальчиком... хорошим... Но... он вернулся, а она нет!

– Может, он убил её?

На Сокола с ужасом взглянули. Ещё одна воображаемая пощёчина от Лиднер.

– Н-нет! Это невозможно... Нет! Они пошли в пещеру, и там... там кто-то был... Я-я не знаю, что произошло, только он дома, а моя пташка – нет! Он сказал, что испугался рычания в темноте и убежал... Он оставил мою маленькую девочку совсем одну! – Слова давались женщине, готовой в любую секунду впасть в истерику, очень тяжело. – Я п-пыталась туда сходить, пыталась... Но я очень больна!

Она нервно почесала щеку, всю усеянную ещё не зажившими красными царапинами с запёкшейся тошнотворной корочкой. Медея, с жалостью следя за её беспорядочными действиями, за какой-то странной манией причинить себе боль и очнуться от кошмарной реальности, пришла к единственному решению.

– Мы поможем.

– Вы можете? – охнула полоумная.

– Мы поможем? – изумлённо переспросил Сокол.

– Да, – ответила на два однотипных вопроса Медея.

Оуви тихо выдохнул, не имея сил ни спасти кого-то, ни противиться излишне самоотверженной Лиднер, и Сокол целиком его поддержал.

– То есть мы реально просто возьмём и...

– Да, Сокол. Именно этим мы и займёмся, – строго отчеканила Медея и уже более мягко обратилась к потерявшей ребёнка матери: – Прошу вас, нам нужна информация, где находится эта пещера.

– Она... Она к югу от ворот. Мальчик... сообщил... мне... Надо пройти совсем немного... от дороги. Там большие деревья. – Женщина теперь начала чесать опухшую кожу на руках – всю в волдырях. – Я ужасно ориентируюсь в пространстве. Я просила, чтобы мне кто-то помог, но меня называли безумной! А я просто теряюсь в лесу! Блуждаю! О горе мне, горе!

Сокол стукнулся затылком об стену. Координаты были максимально мутными, потому как деревья, куда не плюнь, пруд пруди. Чтобы найти любительницу заходить в страшные места, им понадобится убить как минимум целый день; обыскать весь лес и залезть чуть ли не под каждый камень, что в принципе не могло радовать.

Ненавистные дети!

– Хорошо. Мы обязательно отыщем вашу дочь. Как её зовут?

– Хигма. Но она любит, когда её называют «пташкой». Отец моей девочки... Он всегда так...

– Да-да, мы поняли, – торопливо прервал речи Сокол и поднялся. – Чем быстрее мы найдём и спасём её, тем будет лучше для нас... для неё.

Женщина вытерла слёзы и натянуто улыбнулась.

– Спасибо вам.

Сокол сделал поклон, и Медея подтолкнула его, а Стриго, неловко потоптавшись, бросился следом за командой спасителей, в которую, впрочем, сам и входил.

Кажется, по этому лесу они ходили целую вечность. Изнывающий Ахерон, обещавший всё здесь поджечь и организовать мучительную агонию каждому человеку – особенно той мамаше, возмнившей себя невесть кем, – и без того подрывал настроение, потому что приблизительно такое Сокол и слышал ежесекундно, пока плёлся за невозмутимой Медеей.

В некоторые моменты он рисковал сдаться и ответить этому нечестивому говнюку как подобает, но голос разума, по магическому стечению обстоятельств оставшийся при Соколе, твердил, что лучше тактично отмалчиваться и не подавать виду о существовании четвёртого лица.

Да уж, его выдержке позавидовали бы многие.

– Я ус-стал... – захныкал Стриго, когда они переступили очередные толстые корни деревьев. – М-мы так долго... б-бродим.

– И будем бродить до тех пор, пока не найдём девочку, – отчеканила Медея.

– Ты такая жестокая.

– Тебе лучше помалкивать, Сокол. – Лиднер неожиданно остановилась и повернулась к нему. – Жена, серьёзно? Да и ещё мечтающая стать королевской, дракон его дерит, советницей? Ты совсем свихнулся?

– Пф! Мне что, надо было делать как ты? Ругаться на людей и утверждать, что они твари последние? Да-а, логичное поведение для тебя, браво. Удивительно, что нас ещё после твоих глубокомысленных речей не погнало вон! – Сокол агрессивно придавил ближайший бело-жёлтый цветок. – Я не понимаю твоих мотивов. Я ничего о тебе не знаю, но зато шикарно уяснил, как ты любишь орать и всех обвинять. Так не должно быть!

– Мы с тобой не друзья, чтобы я рассказывала тебе что-то о себе, – прошептала Медея. – Ты выполняешь обязанности наёмника. Я тебе плачу. Только, если откровенно, пока ты плохо справляешься. Странно, что ты вообще стал наёмником, и твой командир – или кто он там тебе – не выгнал тебя сразу, как ты к нему пришёл. Ты отвратительный член команды. Ты ужаснейший человек! А твой главный – слепец, если этого не заметил и не научил тебя, как правильно общаться с клиентами.

Сокол зажмурился и крепко сжал кулаки. Внезапный поток злости овладел его сознанием, а грудную клетку что-то ощутимо стиснуло. Эта неприятная, полная ненависти сила хотела вырваться, растоптать, уничтожить раз и навсегда того, кто напомнил Соколу о болезненном прошлом, выводящем его в который раз на бурный коктейль эмоций.

О-о, намечается интересная стычка...

– Никогда... Никогда в своей жизни ты больше так не скажешь. – Он открыл глаза, и голубая радужка приобрела яркий, неестественный тёмно-фиолетовый оттенок. – Иначе я не буду отвечать за свои действия.

Медея смотрела на него с отвращением, но это – маска. На самом деле, такая резкая перемена в Соколе сильно её испугала, и Лиднер не сомневалась, что его угроза воплотится в жизнь, если она не остановится.

Медея, не отрывая от него взгляда, невольно попятилась.

Что-то крепко обняло Сокола, и тот, придя в себя, заметил дрожащего оуви. Стриго утыкался ему в бедро и, страшась наёмника, всё равно старался помочь человеку. Его стало так жаль, что Сокол, дабы хоть как-то успокоить оуви, легонько потрепал его по макушке.

– Давайте уже найдём эту идиотскую пещеру, – произнёс он после долгого молчания и понадеялся, что Медея не продолжит на него ругаться и, самое главное, нелестно отзываться об Орле, которого даже не знала.

– Точно.

Та оказалась куда умнее.

Сокол посадил на плечи оуви, и последний сразу же развеселился – всё же не каждый день его носили люди, – а Лиднер в свою очередь продолжила пробираться сквозь дебри и вести команду на юг.

Она думала, её спутник эмоционально нестабильный. Такая агрессия может возникать только тогда, когда по твоей вине случилось что-то поистине страшное. Медея вспомнила признание Сокола, его брошенную фразу о том, что такое происходило ранее, и по её коже побежали мурашки. Из-за всех событий, втянувших её в эту суматоху, она совсем забыла придавать значение словам. Лиднер забыла, что люди вокруг неё представляли опасность, и Сокол не исключение. Он обладал силой, убившей целую деревню. Он не был простым человеком, которого можно с лёгкостью победить.

Даже её отец оказался замешен в чём-то загадочном, неподдающемся простому объяснению. Кем он приходился на самом деле? Что он из себя представлял? Он – как Сокол? И если да, то как такое может быть?

У Медеи скопилось много вопросов, и ни один из них не имел ответа.

– Не про эти деревья она случайно говорила?

Медея прервала свои рассуждения и вернулась в реальность. Впереди и правда стояли два высоких дерева, отделявшихся от леса. Они располагались близко к пещере и образовывали своеобразные ворота.

– У меня мандраж от подобных мест, – поделился Сокол. – Фу.

– По всей видимости, Хигма должна быть здесь, – заключила Лиднер.

– А если её не будет?

– Тогда придётся сделать самый очевидный прогноз: девочка погибла.

– Ве-есело, – протянул наёмник.

Медея достала из походной сумки небольшую толстую свечу. Она воспользовалась спичками, и на свет появился маленький, но яркий огонёк.

– Я могу помочь те...

– Нет, – отрезала Медея и бесстрашно направилась в пещеру.

– Н-навверное, она об-биделась на вас, м-мой спаситель. – Стриго потрогал человека за волосы. – Эх-х.

Сокол фыркнул.

– Было бы за что.

– Вам-м стоит это об-бсудить. Р-разговоры помогают п-предотвращать с-серьёзные конфликты.

– Или только сильнее их обостряют. – Сокол последовал за Лиднер. – Поэтому всё зависит от обстоятельств.

Оуви не нашёлся с ответом – рассуждал он плохо, и если с ним начинали как-либо спорить, то он с покорностью принимал поражение. Уж такой они народ – мягкий и неконфликтный.

Пещера была небольшой, но свободной. Пространство озаряло слабое свечение от фўнгу – разноцветных грибов в белую крапинку, использующихся ниврами для создания целительных настоек. Насколько Сокол знал, многие люди также выращивали их в домах.

Он со Стриго быстро догнал Медею, недоверчиво изучавшую местность. Она приближала свечу к наскальным рисункам странного происхождения, задумчиво хмыкала и дальше шла в тишине. Сокол не улавливал логики в её действиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.